

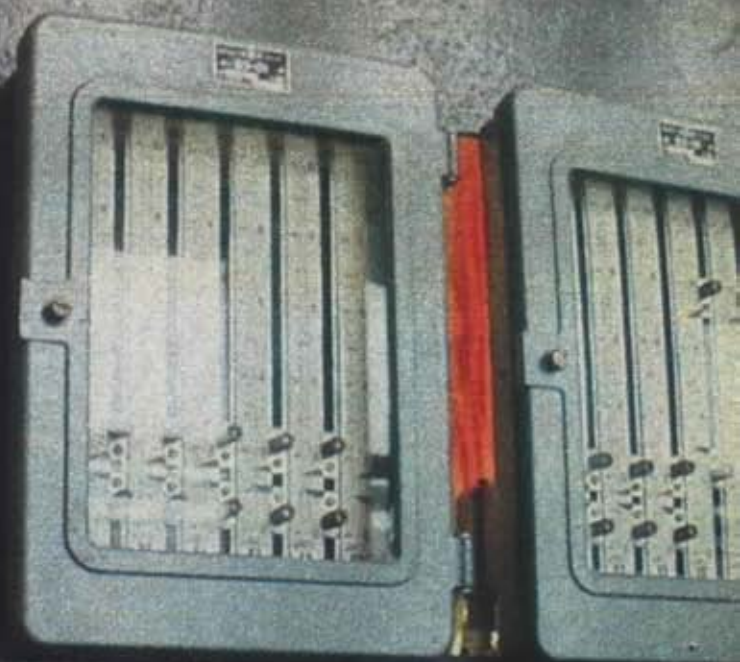
ОМЕНИЯ

№ 7 апрель 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ПОИСК
ВЕДУТ
СТУДЕНТЫ**

Молодые гвардейцы пятилетки

Я — СЛЕСАК

**ПЯТИЛЕТКЕ-
УДАРНЫЙ
ФИНИШ!**

**ПЛАН
КАЖДОГО
ДНЯ,
КАЖДОГО
МЕСЯЦА
ЗАВЕРША-
ЮЩЕГО
ГОДА —
ДОСРОЧНО!**

Алексей МАКСИМОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

АРБ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 7 (1149)

АПРЕЛЬ

1975

Начало знакомства вышло необычным. Впервые о парне из подмосковного Клина я услышала в горах Армении, куда приехал, чтобы встретиться с Арцруни Акопяном, только что награжденным тогда знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». В разговоре о тех, кто вместе с ним получал награду, первым он назвал клинского слесаря Михаила Гаврикова.

— Понимаешь, есть в нем эта самая рабочая косточка...

И вот Клин. Отполированный турникет проходной завода «Химлаборприбор». По-деловому оживленный заводской двор, кирпичные прямоугольнички цехов, один из которых — механический — мой адрес. Казалось, заочное знакомство с Михаилом Гавриковым поможет мне без особого труда узнать его среди тех, кто работает в механическом. Впрочем, этой уверенности заметно убавилось, как только я вошел в цех.

Отсюда (я стою у конторки мастера, символически отгороженной от цеха низким — по локоть — зеленым барьерчиком) хорошо видны параллельные ряды верстаков. Мирно и по-деловому соседствуют на верстаках полный ассортимент слесарных инструментов, кипы бледно-фиолетовых чертежей, порядком потемневших от частых (чертежи-то рабочие) прикосновений, делаемые и уже готовые, аккуратно сложенные детали. Все это живет в разноголосом говоре покоряющегося человеку металла. Это — как экспозиция механического. И все же не тиски, не напильники всевозможных размеров и профилей, не метчики, плашки, бородки, шаберы, штангенциркули, не кипы припорошенных металлической пылью чертежей, не штабеля отливающих строгим холодноватым блеском деталей всевластно царят в цехе, а сосредоточенные, глубоко ушедшие в свой деловой рабочий мир лица людей. Вижу: почти каждый, хотя бы по своему комсомольскому возрасту, может оказаться моим героем. И, точно понимая эти затруднения, мастер ведет меня к черноволосому коренастому пареньку. Он стоит у массивных тисков с закрепленной в них замысловатой оправкой и сосредоточенно колдует над замасленным листом чертежа. Светлый круг низко опущенной лампы очерчивает крупные, потемневшие от металлической пыли руки.

— Знакомьтесь.

Нехотя, словно его оторвали от дела, которое для него сейчас самое важное в жизни, пареньек откладывает штангенциркуль и подает руку за пястьем, как мне кажется, с некоторой иронией, оберегая бледную цивильность моей протянутой навстречу ладони. Между нами словно ложится неуловимая граница, которую я мысленно объясняю его занятостью, — в конце концов человека оторвали от дела, не объяснив к тому же, с какой целью. Но контакт устанавливается тотчас же, как только я передаю привет от Арцруни Акопяна...

Впрочем, говорить о себе (а это меня интересует в первую очередь) Михаил не торопится. Он считает, что прежде всего я должен понять специфику их производства. На заводе «Химлаборприбор» оно уникально: много продукции, по сути дела, единичной, штучной, если хотите. Особенно в механическом.

— Завод, — говорит Михаил, — делает всевозможные аппараты для химических лабораторий, медицинских учреждений, различных экспериментальных производств. Сейчас у нас в механическом в работе примерно около ста наименований. Когда из какого-нибудь КБ приходят чертежи нового аппарата, заметьте, всегда нового — это книга за семью замками. Ни на сам аппарат, ни на каждую его деталь нет готовой технологии. Вот здесь-то и зарыта собака! Что, думаете, не хватает опыта, знаний? Отчасти. Но только отчасти! В нашем деле почти никогда нельзя сказать: «Ну, эта работа мне знакома!» Каждый раз приходится начинать с нуля. Отсюда и неуверенность и страх. Да, да! Страх, хотя знаешь, что не в первый раз начинаешь с нуля

Наша обложка:
дипломанты Уфимского
нефтяного института
работают в студенческом
НИИ.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

ОЧЕРК «ПРАВО ВЫБОРА»
ЧИТАЙТЕ
НА СТРАНИЦАХ 12 — 14.

7

ЕЛЬНЯ: С ДУМОЙ О ТЕХ, КТО ЗАЩИЩАЛ РОДИНУ.

12

НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА:
ТОБОЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ.

19

ВЕНГЕРСКИЙ ПЕЙЗАЖ ПОД
АККОМПАНЕМЕНТ ВЕЛИКОГО
ПЕТЕФИ.

25

НАЧАЛО: ВРЕМЯ И ВЗГЛЯДЫ
МАЙИ ПЛИСЕЦКОЙ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«ЧЕМ ЗНАМЕНАТЕЛЕН ПРОШЕДШИЙ ГОД!» —
ИНТЕРВЬЮ С ДЕЛЕГАТАМИ XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» — БАМ. ЗИМНИК, ДНИ
И НОЧИ

СОВРЕМЕННАЯ АРМИЯ: МОРСКАЯ ПЕХОТА

Заместитель главного редактора В. В. ЛУЦКИЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Л. И. Курлыкова

Работа, которая каждый раз начинается с нуля! Не говорит ли это о том, что мы имеем дело с тем, что истари выражается определенным понятием «творчество»? Видимо, прошло время, когда ломались копы в спорах о так называемых творческих и нетворческих профессиях. И думаю, дело здесь как в техническом, так и в психологическом прогрессе. Не напоминает ли состояние, которое испытывает слесарь Михаил Гавриков, чувств писателя или художника перед началом работы?

Что это именно так, я понял, когда в один прекрасный день на верстак Михаила Гаврикова лег чертеж (новенький, еще жестко шелестящий чистыми фиолетовыми листами) очередного аппарата. Едва Михаил склонился над ним, чертеж вдруг стал магнитом, мощное поле которого словно пронизало весь цех. К Гаврикову отовсюду потянулись ребята. И вот уже за спинами слесарей не видно ни чертежа, ни самого Михаила, только шелестят переворачиваемые листы и слышны разноголосые, все более бурные споры. Спорят, прикидывают, не соглашаются друг с другом, доказывают и снова спорят... Но вот что особенно интересно. В тот самый момент, когда накал споров достигает апогея, а действие, кажется, приближается к кульминации, кое-кто «отваливает», этак бочком отходит в сторонку покурить...

Этих самых двоих-троих отпугнул первый страх непонимания. То самое чувство, о котором — как о неизбежности в его профессии — говорил Гавриков и которое перебороть не каждому оказывается по плечу. Но, с другой стороны, каким боком касается их работа, которую предстоит делать Гаврикову? Да никаким. Если не схватил суть дела с налету, стоит ли ломать голову над чужой работой? «Своих дел хватает, — рассуждает иной. — Ну, а дадут новый аппарат мне... Конструкторы зачем-то кончали институты, пусть они и думают. Я — исполнитель. Напильник в руках держать умею, — лучше ли, хуже — задание выполняю».

Цепочка таких «правильных» рассуждений бесконечна, но никогда не приведет человека к мысли о другой «судебной инстанции» — суде рабочей чести. Так рождается психология «рядового рабочего», таковым он остается до пенсии, так ни разу и не упрекнув себя за это. А и то сказать, многие ль упрекают? За что, собственно? Не прогульщик, не пьяница, норму выполняет. И почему бы не постоять в стороне от спорящих над новым чертежом, покуривать, поглядывать на стрелки часов, которые, как ни верти, а к пяти приближаются. И пусть там у верстака Гаврикова (а завтра у Иванова, Сидорова...) все теснее кружок и жарче споры. Если у кого и болит голова о чужой работе, их личное дело. Все равно работать-то ему, все равно к конечной истине по пути блужданий в дебрях техники он пойдет один — это его аппарат. А Гавриков что ж? Он и ночью будет ломать голову над тем, какую сконструировать оправку для этой детали, для той, чем заменить материал, которого нет сейчас на складе.

Да, такая, только такая работа ему по нутру. Не по нутру «правильная» до тривиальности психология так называемого «работяги». А этот «работяга» тут как тут, подкидывает вопросик — себя ль обидеть или другого клонуть: «А много ль ты, Михаил Федорович, со своими умствованиями работаешь?»

Помня, как неохотно говорит Михаил о себе, отведу за него: «Много не много, а процентов сто семьдесят — сто восемьдесят, иной раз и двести набегит за смену». Вот вам и «умствования» и «ломание головы». Как? Ну это уже вопрос другой. Хотя, если копнуть глубже, корни те же. Несколько дней в цехе стараюсь это понять.

Аппарат, который сейчас собирает Гавриков, предназначен для химических лабораторий. Первый же экземпляр повлек за собой заказы — нужен. Значит, тираж. Значит, надо упрощать технологию, а то, как говорит Михаил, «приборчик золотым обернется». Поиски Гаврикова в этом направлении остались, как говорится, за кадром; проникнуть в ход его мыслей нам, понятно, не дано. Но результаты, которых свидетелем я оказался, — вот они.

При сборке штатива на ось насаживаются металлические диски с отверстиями; фиксируют диски шпильками. Шесть дисков — десять шпилек. Сначала приходится нарубить шпильки определенной длины, потом вставить их в расточенные отверстия; работа, и без того не быстрая даже при навыках и споровке, осложняется тем, что диски расположены близко друг к другу. И в общем-то с этой кустарной технологией можно было бы мириться, если бы речь шла об одном-двух аппаратах. Но оказалось, что из стадии эксперимента зарекомендовавший себя прибор пошел шагать дальше. И вот перед слесарем-сборщиком встает вопрос рентабельности, а Михаил отдает себе полный

отчет в том, что на нынешнем уровне экономики это вопрос вопросов. Правда, в его формулировке звучит это не столь торжественно: «Не вышел бы аппаратик золотым». Остается одно — думать. «Ломать голову». «Умствовать».

Прикидывает Михаил и так и этак. Все не то, не-решает проблемы. Но где-то же решение должно быть?.. Стоп! «Ведь это же так просто! Где только раньше голова была!» Оказывается, можно заменить десять нарубленных шпилек одной цельной, которая фиксирует каждый диск. Не надо ни рубить шпильки, ни возиться, соотнося каждую в отдельности с маленьким диаметром отверстия. Попробовал. Получается. Сделал еще и хронометрировал весь цикл операций. Результат: до этого дня сборка двадцати пяти штативов занимала восемь часов, всю смену от звонка до звонка. Новая, предложенная Гавриковым технология позволила делать ту же работу за два часа.

Рационализация? Беспорно. Толковая? Конечно. (Недаром же на стенде лучших рационализаторов завода фотография Гаврикова занимает свое почетное, если хотите, штатное место). И тем не менее сам Михаил считает, что на одной рационализации в наше время далеко не уедешь. Это только один из резервов.

Все дни в механическом, стоя возле рабочего места Гаврикова, я не расставался с часами. Работу дня, состоящую из множества самых различных операций, я раскладывал по минутам (не беря

РАЗГОВОР О ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ЗАДАНИИ.

СРЕДИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ МИХАИЛА И ЭТА — БРИГАДНОГО КАССИРА.

ОТЦОВСКИЕ ХЛОПОТЫ.

в расчет секунды, а следовало бы), отмечая в левой графе время, положенное на данную операцию, иными словами, нормативное время, в правой — то, что затрачивает на нее Гавриков. И всякий раз получалась картина не только любопытная, но и многое объясняющая.

Так, на одной операции Михаил сэкономил десять минут, на другой — восемь, третья вместо пятнадцати нормативных заняла у него девять фактических, на следующий он «отыграл» еще семнадцать, потом — шесть. К концу смены, как показывала моя импровизированная таблица, у Гаврикова набралось без малого три часа сэкономленного времени. Это — еще один его резерв.

— Норма — понятие относительное. — Михаил задумывается. — Ну, а если серьезно, то в применении к нашему времени — очень даже определенное: больше и лучше. Только не надо понимать это как лишь рабочую, плановую норму, которую

ты должен выполнять от восьми до пяти. Это, если хотите, и этическая норма.

Слова Михаила заставили задуматься вот над чем. Обычно мы объясняем успех современного рабочего, особенно когда это молодой рабочий, его профессиональной образованностью, высокой (по требованиям времени) сознательностью, широтой кругозора, умением мыслить экономическими, государственными категориями. Подобное объяснение не имеет изъянов, оно бесспорно хотя бы уже потому, что, очевидно, и все эти качества есть у Михаила Гаврикова. Но я хочу сказать о другом. Я хочу сказать о таланте. Понимаю, что талант не капуста в огороде, он редок, и употреблять это слово надо с осторожностью. Может быть, потому, говоря о Михаиле, армянский его знакомый и сказал о рабочей косточке. Но, увидев Гаврикова в работе, я понял, что речь тогда шла о таланте.

С Гавриковым я познакомился, когда он уже был признанным мастером своего дела. Награды, им заслуженные, говорят сами за себя: грамоты заводского комитета ВАКСМ, горкома комсомола, значки «Передовик производства», «Ударник 1973 года» и, наконец, знак ЦК ВАКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Это расцвет его рабочей судьбы. Но ведь было же и начало? Было, и в устах Михаила все это звучит прозаически.

На завод пришел одиннадцать лет назад шестнадцатилетним пареньком. Почему? Может быть, потому, что здесь работали отец и мать, и домашние разговоры о заводских делах продолжались на улице, — чуть ли не все сверстники так или иначе приходили на завод, кто через техникум, кто через институт, а кто и так, как Михаил, — прямо в цех. Сначала запарывал простейшие детали. Но первый мастер Анатолий Алексеевич Краев был терпелив, и терпением ли своим или, скорее, особым «педагогическим гипнозом» сумел внушить (теперь, как понимает Михаил, на всю жизнь), что в профессии слесаря руки — второе дело, первое — голова: «Не берись за напильник, пока вся деталь и технология изготовления не созреют в голове. Усек?» Михаил «усек». А потом был первый день «перевыполнения норм», когда раньше положенного срока (не через шесть месяцев, а на исходе четвертого) ему присвоили разряд. И хотя особых успехов еще не было, понял: на своем месте. Так в общем-то обычно начинался его диалог с металлом. Диалог, который продолжается и сегодня.

Многое мне рассказывали на заводе о Михаиле Гаврикове: о его работе в комсомоле (он член бюро горкома), о вдумчивой и умелой помощи молодым, приходящим в цех ребятам (у него нет штатных учеников, но за советом идут многие), но, пожалуй, лучше всего о Гаврикове, о месте его на заводе сказал пожилой рабочий из механического цеха, который знает его «вот с этих лет»:

— Михаил-то? Да он знает, под каким верстаком какая гайка валяется!..

И опять вспомнил я о рабочей косточке.

После смены вместе с Михаилом идем в детский сад за Наташей. Михаил задумчив, и мне кажется, что он не высказал чего-то важного. Я не ошибся.

— Знаешь, вроде бы все нормально у меня на заводе, работа идет, и неплохо, кажется, идет, а вот чувствую иногда, не хватает мне десяти классов... Решил поступить на вечернее отделение станкостроительного. Как считаешь?

— Дело хорошее. Закончишь техникум, выйдешь в начальники. За спиной-то у тебя багаж солидный...

И тут впервые за все время нашего знакомства я увидел, как спокойный, уравновешенный Михаил буквально вспыхнул:

— Ну, знаешь! Я слесарь. И слесарем останусь!

Дальнейший монолог Михаила я помню в подробностях, потому что все, что он высказал мне в тот вечер, было им глубоко продумано, и говорил он об этом как о давно и бесповоротно решенном.

— Знаю, знаю я такие примеры. Ух, сколько их! — горячился Михаил. И продолжал горячо: — Вот на моих глазах: парень золотые руки, работает у верстака, как песню поет. Дальше — идет учиться. Это же здорово! В наше время рабочему не учиться — все равно что жить вполдыхания. Но вот иной, кончив техникум, возвращается не к верстаку своему, за которым чудеса творил, а кабрившись-то знаний, и того больше сможет, но садится в кабинет с длинным столом и телефонами. Ну и сидит там, руководит, серенько так руководит. А ведь не возьмет в толк, чудила, что руководителю нужно не только образование, а, что самое главное, призвание, талант вожака, организатора. Не каждый этим обладает. А ведь какой слесарь был! Пропал! Ох, пропал!.. Нет, рабочим делом дорожить надо. Я — слесарь. Нет, уж свой верстак ни на какое кресло не променяю. Слесарь я, понимаешь?

Лина ТАРХОВА,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ЧАСТИЦА ЗНАМЕНИ У СЕРДЦА ТВОЕГО

В комнату сектора учета никому не было разрешено входить — ни работникам горкомов партии и комсомола, ни гостям из Москвы. Сейчас самое главное происходило там. Нарядные взволнованные девушки заполняли комсомольские документы шести лучших комсомолок моторного завода, которым предоставлено право первыми на заводе и в городе Ульяновске получить комсомольский билет образца 1975 года.

Эти шестеро — из бригады Вали Зубковой. Бригаду в цехе привыкли называть «крышка», потому что работают девушки на участке крышки картеров. Недалеко от них трудится «гильза» — их главные соперники в соревновании, тем более опасные, что руководит ими опытный бригадир, мастер Михаил Здорвенко.

Уже много месяцев двенадцатый цех с интересом следит за единоборством «крышки» и «гильзы». Страсти болельщиков подогреваются тем, что победителем, словно по какому-то тайному уговору, оказывается то одна бригада, то другая. Недавно комитет комсомола моторного завода в очередной раз подвел итоги соревнования. Беспристрастные факты свидетельствовали: по итогам прошедшего года лидирует старательная и упорная «крышка». Больше того, она была признана лучшей на заводе и в районе. А через некоторое время пришло сообщение, что станочницы Вали Зубковой заняли классное место и в соревновании коллективов Министерства автомобильной промышленности СССР.

Пока идет священнодействие в секторе учета, победительницы сидят в большой комнате на другом этаже. Только что было собеседование в заводском комитете комсомола; у них брали интервью журналисты, их множество раз фотографировали для газет и телевидения. Девушки ошеломлены тем, что вдруг оказались в центре внимания, жмутся друг к другу, накинув на плечи пальтишки.

Скоро им подадут автобус, он ответит их в Дом-музей В. И. Ленина. И настанет минута, которой они вот уже много дней ждут с трепетом и нетерпением.

А пока у каждой есть полчаса, словно для того, чтобы еще раз оглянуться назад, перебрать в памяти события своей комсомольской жизни.

Как они вступали в комсомол? Валя Зубкова училась в восьмом классе. Ее родное село Спешневка стоит в 40 километрах от райцентра. Сама по себе поездка в столицу района — уже событие для сельского жителя, да еще такого юного. А тут поездка, из которой Валя, может быть, вернется

совсем другим человеком. Если ее, конечно, примут в комсомол... Автобус подпрыгивает на колдобинах. Девочка, закрыв глаза, твердит строчки Устава ВЛКСМ. Она так опасалась сбиться, когда станет отвечать на вопросы, что выучила Устав наизусть. Навсегда запомнилась та долгая дорога к райкому...

Люда Фролова тоже жила в селе, в детском доме. Там народ собрался боевой, и в райцентр приехали с песнями, в райком ввалились с радостным шумом. Но сразу смолкли, увидев, как торжественно распахнулись двери большого кабинета. Кого-то пригласили войти. Скоро в эту комнату вызвали и Женю. Свет из широких окон, красное тяжелое знамя в углу. Незнакомый человек крепко жмет ей руку. Он говорит: «Будь достойна!» И так смотрит на нее добрыми усталыми глазами, как будто знает, что сегодня она дала себе слово стать серьезнее, лучше. Женя поражена: откуда он это знает?..

И Зульфья Бакирова, и Лида Веселина, и Галя Кузнецова, и Женя Шахова вступали в комсомол девочками. Легкомысленное детство еще бродило в голове. Но тот день, когда им вручали комсомольские билеты, сделал их взрослее.

На их билетах стоял восьмизначный номер. Он — этот восьмизначный номер на билете — означал, что единомышленников у них десятки миллионов.

Наши отцы в двадцатые годы не были так богаты. Не миллионы — сначала лишь тысячи юношей и девушек стояли под знаменем Ленинского Союза молодежи, иногда жизнью своей оплачивая эту честь. И билеты у них были разные, подчас серые кусочки картона, не побывавшие в типографии. Как самую дорогую святыню хранили свои революционные мандаты первые комсомольцы. Эти тонкие книжечки из грубой бумаги вызывали у врагов не меньшую ненависть, чем юные революционеры. У них были билеты с первыми номерами. Им завидуют юноши и девушки семидесятых годов, чьи билеты хранятся в мирной тишине современных квартир. Но у сегодняшних комсомольцев своя радость — их много, им дано узнать, какая это сила — союз тридцати четырех миллионов.

...Они стали взрослее в тот день. Это значит, что задумались — и не только о себе, но и о других. Галя Кузнецова стала пионервожатой. И у Люды Фроловой появился подшефный класс. Она любила своих «малышат», которые так же, как она, не знали материнской ласки. Носила им

книжки, разучивала с ними песни, сценки. Вечерами укладывала их спать. С тех пор прошло много лет. Их детский дом расформировали. Да и бывшие пионеры Люды Фроловой выросли и разъехались по разным городам. А письма любимой вожатой идут до сих пор.

В то время, как Галя и Люда работали вожатыми, другие члены будущей бригады выпускали стенгазеты, вели экскурсии по школьному музею, пели в хоре на школьных вечерах. И все-таки главные события их комсомольской жизни ждали на моторном заводе, где они собирались постепенно, приехав из самых разных мест.

...Валя Зубкова «протягивает» крышки картеров на своем станке, шлифуя одну из сторон. Еще «горячую» деталь подхватывает Женя Шахова. Сверлит отверстия, снимает фрезой канавку, и деталь попадает к Лиде Веселиной. Из рук в руки передается серебристая крышка, и результат работы последнего в этой цепочке столько же зависит от него самого, сколько от остальных. Вот почему главное событие, как считают девушки, — это то, что им так повезло — они встретились в одной комсомольско-молодежной бригаде.

...Крошечная Зульфья стоит перед могучим станком. Железная тупая машина, нет никакой надежды научиться тобой управлять! Зульфья плачет. К ней подходит Люда Фролова...

Женя Шахова бойко начинает первый рабочий день. Устанавливая крышку, энергично наклоняется вниз, чтобы увидеть, верно ли встала деталь... Норма за смену — девятьсот крышек. Наладчики уже собрались вокруг новенькой, острят: «У нее норма — девятьсот поклонов». Но оставив свою работу, появляется Валя Зубкова, и скоро остроканавочник становится нечего делать. Бригадир открывает секрет, как устанавливать деталь, не наклоняясь: «Ты сверху смотри. Вот так... Видишь, несколько секунд сэкономила».

...Спешит машина из Заволжья — она везет восемь комсомольцев опытного завода при УНИ ПТИМАШе. Торопится автобус с другого конца города — в нем шестнадцать лучших членов ВЛКСМ второго автотранспортного предприятия Ульяновска. А бригада Вали Зубковой уже здесь, в доме, известном миллионам людей Земли. Здесь жил юный Володя Ульянов. Вот его книги, географические карты, лампа, при свете которой лучший ученик мужской гимназии готовился к занятиям... Все говорит о Ленине, все пронизано им. В этих стенах самым достойным юношам и де-

вушкам Ульяновска в первый день обмена вручаются комсомольские билеты.

Цветы, приветствия ветеранов, завыспливо-восхищенные взгляды пионеров.

— Покажите билет, — робко произносит пионер. «Покажите!» — просят ветераны. Прсят и строгие музейные работники.

Комсомольский билет образца 1975 года красного цвета — он частица знамени, обгащенного кровью героев. На его обложке портрет Ленина — с именем великого вождя связаны все славные дела Коммунистического Союза молодежи.

Что испытывают сегодня первые на родине Ильича владельцы новых комсомольских билетов?

Владимир Дворецкий, фрезеровщик: «Это такая честь, такая ответственность... Чем я могу ответить на это? Берусь завершить трудовой год к 7 ноября». Петр Жирнов, шофер: «Теперь нельзя не работать лучше, чем прежде». Валя Зубкова: «Жалко, что сегодня суббота. Так захотелось в цех, к станку. Ведь мы взяли работу за себя и за двух неизвестных героев».

...На улице во всю мощь светило солнце. Звенела капель. Шел первый день весны 1975 года.

В ЖИЗНИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК НАШЕЙ СТРАНЫ ПРОИСХОДИТ ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ — ОБМЕН КОМСОМОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ. ПРИ ВРУЧЕНИИ НОВЫХ БИЛЕТОВ В УЛЯНОВСКОМ ДОМЕ-МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА КОМСОМОЛЬЦЕВ НАПУТСТВОВАЛИ ВЕТЕРАНЫ ТРУДА И ВОЙНЫ.

**Расскази
обо мне
всем**

Ефрем СОРКИН

САМОЛЕТЫ ФЕРАПОНТА ГОЛОВАТОГО

ФЕРАПОНТ ГОЛОВАТЫЙ ВРУЧАЕТ ЕРЕМИНУ ВТОРОЙ САМОЛЕТ.

— Поедете в Саратов принимать именной самолет, купленный колхозником Ферапонтом Головатым, — сказал ему член Военного Совета. — Думаю, машина будет в надежных руках. К тому же вы сами саратовец, приятно будет побывать в родных местах.

...Борис Николаевич приехал на завод. Директор представил ему сидевшего за столом пожилого человека. Они крепко пожали друг другу руки.

- Головатый, Ферапонт Петрович.
- Гвардии майор Еремин.
- Значит, вам вручать подарочек?
- Выходит, мне.

— Расскажи, Борис, о себе, как жил, где учился, — попросил Ферапонт Петрович. — Мы теперь вроде породнились. Так надо знать о новом сыне своем.

Еремин рассказал о себе: родился и жил в Саратове, учился в школе, потом работал токарем на заводе «Сотрудник революции». По комсомольской путевке пошел в авиацию, окончил Вольское объединенное летно-техническое училище. Потом служил на Дальнем Востоке, участвовал в боях на Хасане. С начала Отечественной войны на фронте.

Сейчас на боевом счету семь вражеских самолетов...

— Вот, принимай, Борис, — сказал Ферапонт Петрович.

Гость окинул взглядом машину, увидел на фюзеляже надпись: «Летчику Сталинградского фронта гвардии майору тов. Еремину от колхозника колхоза «Стахановец» тов. Головатого».

— Спасибо, Ферапонт Петрович, от всех наших летчиков спасибо...

Снова начались фронтовые будни. Летчики полка выполняли задания по разведке, по штурмовке войск противника, завязывали воздушные бои. Часто их вел командир на именном самолете.

В один из вечеров в часть пришли свежие газеты. Борис Николаевич в глаза бросился заголовку: «Благодарность Верховного Главнокомандующего». В телеграмме говорилось: «Спасибо, Вам, Ферапонт Петрович, за Вашу заботу о Красной Армии и ее Воздушных Силах. Красная Армия не забудет, что Вы отдали все свои сбережения на постройку боевого самолета. Примите мой привет. И. Сталин».

А потом Еремин читал в газетах волнующие вести о том, как разросся почин Ф. П. Головатого. Многие советские люди по его примеру стали вносить крупные суммы на постройку самолетов, танков, орудий.

В 1944 году самолет, подаренный Ферапонтом Головатым, получил в бою серьезные повреждения. Восстановить машину было невозможно. Об этом с горечью сообщил Головатому с фронта Борис Николаевич. И тогда колхозник решил купить на свои средства новый самолет.

На этом же самом аэродроме Головатый торжественно вручил гвардии подполковнику Еремину новый истребитель Як-3. На борту машины теперь было выведено: «От Ферапонта Петровича Головатого 2-й самолет на окончательный разгром врага!»

342 боевых вылета, 70 воздушных боев, более 100 штурмовок и разведок, 23 сбитых самолета — таков итог четырехлетнего ратного труда летчика Еремина. Он летал на разведку к столице фашистской Германии. «Моя пчелка долетела до Берлина», — с гордостью скажет потом колхозник с хутора Степной, подаривший Советской Армии два боевых самолета.

После войны не раз встречались Ф. П. Головатый и Б. Н. Еремин. Ферапонт Петрович стал председателем колхоза «Стахановец», депутатом Верховного Совета СССР. В 1947 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Умер он в 1956 году.

Генерал Б. Н. Еремин до сих пор служит в Советской Армии. А самолет его стоит теперь на вечной стоянке в Саратовском краеведческом музее, рядом с другим истребителем — Як-18, на котором летал курсант местного аэроклуба Юрий Ггарин.

Опустел хутор Степной на Саратовщине: все мужчины призывного возраста на фронте. Остались только старики да женщины с детьми. Ферапонт Головатый шел в сельскую школу на собрание. Валенки увязали в сугробах, оставляя глубокие следы. Мела поземка. Резкий ветер пробирался за ворот, леденил тело. Но Головатый не замечал этого, не застегивал распахнутый полшубок.

Он толкнул застывшую дверь школы. В классе уже собрались колхозники, за столом сидел представитель Непокровского райкома партии. Ферапонт Петрович снял шапку, поклонился всем, сел на свободное место. Райкомовец рассказывал о положении на фронтах, о битве под Сталинградом.

Думали степновцы, каждый прикидывал, сколько внести в фонд обороны. И называли суммы: кто двести, кто триста, кто пятьсот рублей... И вдруг Ферапонта Петровича словно крепкой волной подкинуло. Вскочил.

В классе воцарилась тишина. Колхозники с удивлением смотрели на Ферапонта Петровича.

— Сколько, по-вашему, стоит боевой самолет, ну... истребитель?

- Тысяч сто, полагаю, стоит, не меньше.
- Сто тысяч, — произнес колхозник. — Ну что ж, так тому и быть. Кое-какие деньги у меня есть. Продам мед, что получила от своих ульев и на трудодни в артели, продам мясо, зерно, картошку. Оставлю самое малое, чтобы прокормить семью до нового урожая.

Через несколько дней Ферапонт Петрович уложил собранные деньги — 100 тысяч рублей — в мешок и повез их в Саратов. Там его принял секретарь областного комитета партии. Беседовали долго, тепло, по-дружески. Секретарь обкома сказал:

— Большое дело задумал ты, товарищ Головатый. Благородное дело, патристическое. Потому что любишь нашу землю, нашу страну. А с тебя, Ферапонт Петрович, будут другие брать пример.

...В один из декабрьских дней 1942 года майора Еремина вызвали в штаб фронта.

Федор ЕРМАКОВ,
бывший замполит штурмового отряда

Ему было 19

Это произошло в Берлине днем 29 апреля 1945 года, на восточном берегу реки Шпрее, в ста метрах от стен рейхстага. Наш 164-й полк 33-й стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника Пейсаховского продвигался по Луизенштрассе к центру города. Бой шли днем и ночью. На рассвете 29 апреля после ожесточенного боя мы овладели перекрестком улиц Луизенштрассе и Карлштрассе.

Вскоре к нам на передовые позиции прибыл заместитель командира полковник Соболев. Он ознакомился с обстановкой, осмотрел расположение огневых средств и поставил полку задачу: наступать по восточному берегу реки и набережной, овладеть мостом через Шпрее севернее рейхстага.

В случае успеха это лишило бы немцев гарнизон на Королевской площади и в самом рейхстаге непосредственной связи с войсками, находившимися на восточном берегу реки, прямо против нас. Полковник приказал сформировать сводный пехотнотанковый штурмовой отряд из курсантов учебного батальона и солдат-добровольцев. Командование им принял двадцатичетырехлетний комбат Ахматбек Сулумбаев (ныне председатель Совета Министров Киргизской ССР).

Вскоре наш отряд атаковал фаши-

стов у предместных укреплений на берегу реки Шпрее. В середине дня 29 апреля завязался очередной бой. И вот в решающий момент командир противотанкового орудия комсомолец Михаил Печерских вместе со своим расчетом выкатил из укрытия орудие и открыл по фашистам огонь прямой наводкой. Дерзость артиллериста ошеломила гитлеровцев, они растерялись, а орудие продолжало расстреливать их позиции в упор. В течение нескольких минут расчет Печерских уничтожил четыре пулеметных точки противника и до 30 фашистов. Воспользовавшись заминкой среди врагов, штурмовой отряд во главе со своим командиром бросился в атаку и выбил фашистов с сильно укрепленных позиций. Продвигаясь вместе с автоматчиками штурмового отряда, расчет Печерских попал под сильный огонь. Орудие было разбито, а сам Михаил пал смертью героя всего в ста метрах от рейхстага.

Он шел в Берлин трудной дорогой и очень хотел дожить до Победы. Хотел, когда под ураганным огнем противника в бою за город Лечин выкатил свое орудие на прямую наводку и точным огнем уничтожил два самоходных орудия фашистов. Хотел, когда мы вели упорные бои в предместьях Берлина. Фашисты поливали нас сильнейшим огнем из всех видов оружия. Командир батальона майор Луцев поднял бойцов в атаку. Печерских вновь проявил исключительное мужество: под огнем фаустов его орудие открыло беглую стрельбу и уничтожило два танковых пулемета и до 40 гитлеровцев.

За героизм, проявленный в боях при штурме Берлина, комсомолец старшему сержанту Михаилу Печерским было присвоено звание Героя Советского Союза. Ему было девятнадцать лет.

Александр КРАСНОВ,
полковник, бывший летчик 48-го гвардейского разведывательного авиационного полка

Ведомый

Лейтенант Федор Волков оказался «безработным». Молодой, еще неопытный летчик, он потерял своего ведущего в разведывательном полете. Сам Волков заблудился и сел на «вынужденную» далеко от своего аэродрома. С тех пор бывальные летчики опасались ходить с ним в разведку. Учить его было некогда.

Тоскливо поглядывая на возвращавшиеся самолеты, Федор чувствовал себя самым несчастным человеком в эскадрилье, в полку, на всем свете. Чего бы не дал он за то, чтобы лихо заложить над аэродромом крутой боевой разворот и дать короткую очередь! По неписаной традиции именно так возвращались из удачной разведки экипажи.

Рясов уже давно приглядывался к приунывшему летчику.

— Мучаетесь, стыдно ему, — догадывался Рясов и однажды решился: — Пойдешь со мной, Федя, готовься!

Путь к аэродрому Веспремского аэроузла Рясову знаком. Пара шла на большой высоте, ведомый строго сохранял свое место в боевом порядке. В прозрачном воздухе было далеко видно вокруг. Рясову и Волкову нужно пройти над всеми аэродромами, не снижаясь, сфотографировать их и вернуться. Полет казался сложным. Но когда разведчики, выполнив хитрый маневр, чтобы обмануть ПВО врага, подошли с тыла и

первому же аэродрому, Рясов посмотрел вниз и огорченно вздохнул: ослепительно белые кучевые облака непроницаемым занавесом закрыли добрую половину аэродрома.

— Идем под облака, смотри за воздухом, от меня не отрывайся, — передал он Волкову и плавно ввел самолет в крутое пикирование, поглядывая на ведомого. Тот стоит «в крыле» как вкопанный. На высоте 1500 метров они понеслись с выключенными фотоаппаратами над полыхавшими зенитным огнем стоянками самолетов.

— Командир, — слышит Рясов напряженный, как струна, голос своего ведомого, — справа два истребителя! Рясов увидел мелькнувшие в вате облаков черные тени «мессершмиттов» раньше Волкова, но не очень опасался их. Скорость у разведчиков большая, и они должны уйти от преследования без особого труда.

— Молодец, Федя, смотришь хорошо, — подбадривает он ведомого.

Он подает эти слова четким, ровным голосом, стараясь скрыть беспокойство: разведчики весь муравейник, впереди еще два аэродрома. Удержит ли Волков суровый экзамен?

Выполнен боевой разворот, «мессер» остались позади. Волков, стиснув ручку управления, следит за ведущим. Возникли из-за облаков стоянки самолетов с черными крестами на плоскостях, мельтешили пучки цветастых трасс с земли, облака оказывались то под ним, то сверху, самолет ведущего резко бросался вверх, уходил в сторону. Все шло в единую нескончаемую цепь: разворот сменялся пикированием, пикирование — брьющим полетом, горкой.

После посадки Волков подбежал к Рясову, молча ткнулся в плечо.

— Ты что, Федя? Держался в полете хорошо. Задание мы выполнили.

ЗВЕЗДАМ ГОРЕТЬ!

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ.

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный корреспондент «Смены»

Фото автора

ЗВЕЗДЫ НАД ЕЛЬНЕЙ

Засть Зуева дома оказалось делом не простым. Он хоть и числился пенсионером и вторую неделю погода стояла аховая, Ивана Феодосеевича носило по всему району — из колхоза в колхоз, из школы в мастерские. Страх не любил он сидеть на месте, да и общественные обязанности не позволяли. Наконец мы встретились, поговорили о разных разностях, рассказал Зуев и о том бое на берегу Днепра, за который получил Звезду Героя Советского Союза. А потом коснулись вопроса, что привел меня к Ивану Феодосеевичу.

— Большое дело ребята делают. И для них это необходимо и для нас важно. В одном только Ельнинском районе около тысячи семей фронтовиков живет, половина из них кого-либо в войну потеряла, да и инвалидами многие мужчины вернулись. Им эта ребяческая забота в первую очередь нужна. И не так, может, помощь, как внимательная дата, приходят ко мне пионеры с барабаном, горном, стихи читают, поют. Это у них называется операция «Радость». Всех бывших фрон-

товиков навещают, поздравят, о делах своих расскажут, поинтересуются, не надо ли чего по хозяйству помочь. И очень огорчаются, что отказываюсь я от их помощи. Так ведь сам пока здоров, справляюсь, да и государство о нас, ветеранах, большую заботу проявляет. А все равно ведь приятно. Стану им рассказывать о нашей военной жизни, чувствую, слово пропустить бояться, дорого им наше слово. Вот тут уж для них польза начинается.

Правда, был грех, как-то попросил я девушек из нашей райбольницы — они ко мне тоже часто заходят — корень один раздобыть — девясил. От кашля здорово помогает. И, представьте, нашли, зимой нашли. А я уж кого ни спрашивал, не могли достать.

Я потом спросил об этом корне Аню Стефанцову и Зою Зубачеву, они его нашли. Зуев, конечно, не знает, что девушки в добрых десяти деревнях девясил разыскивали, всех своих комсомольцев на ноги подняли, пока, наконец, не обнаружили девясил у одной женщины, занимающейся сбором лечебных трав. Маленький, но характерный штрих.

...На нашей земле есть города, у которых к

прошлой войне свой счет. Такой город — Ельня. Небольшая, деревянно-каменная, с палисадниками и резными карнизами, нешумливыми, прямыми улицами. Их так много, что летом, в период тополиного цветения, город окрашивается в нежные, зимние краски.

Старая, тихая Ельня.

В конце августа 1941 года, когда на фронтах было очень трудно, когда, казалось, сил хватает только на то, чтобы сдерживать гитлеровские орды, рвущиеся к Москве, Совинформбюро сообщило, что освобождена Ельня. Это был отчаянный, дерзкий шаг — бросить измотанные непрерывными оборонительными боями соединения Красной Армии на сильного, значительно превосходящего нас в вооружении врага.

Но это было необходимо — оттянуть к Ельне силы противника, чтобы выиграть время, успеть подвести к столице резервы. И слово «Ельня» стало для миллионов советских людей символом мужества, веры в грядущую победу над фашизмом. Совершая чудеса храбрости, наши войска отбросили вражеские части на много километров, полностью разгромили и уничтожили шесть гитлеровских дивизий. Так в конце августа — начале

сентября была одержана крупная победа над не знавшими поражений фашистскими ордами. За бесстрашие и стойкость, проявленные частями Красной Армии в боях за освобождение Ельни, им было присвоено звание гвардейских.

Эта первая победа далась дорогой ценой. Тысячи советских солдат пали на Ельнинском направлении, десятки сел и деревень были сожжены отступающими фашистами, оставила война изуродованной и саму Ельню. Город отстроился заново, говорят, что даже краше прежнего, давно заросли травой и лопухами траншеи, выросло новое поколение людей. Выросло на земле, олицетворяющей собой горечь и мужество, страдание и победу, ненависть к поработителям и великую благодарность живых — героям, павшим и вернувшимся домой.

Может быть, поэтому именно в Ельне родилось патристическое движение молодежи, получившее условное название «Долг».

Пытаясь выяснить, как оно начиналось, я подробно разговаривал об этом в райкоме комсомола, в Доме пионеров, бывал на Ельнинской трикотажной фабрике, в сельхозтехникуме, в школах. Нет, на этот счет не спускались какие-либо инструкции сверху, операция «Долг» приобрела форму массового движения и разрабатывалась самими ельнинцами. Это было больше десяти лет назад, те, кто организовывал первые трудовые десанты, уже стали совсем взрослыми, на их место пришли другие. И поэтому нынешние члены районного штаба, возглавляющего операцию «Долг», не помнили всех, кто был инициатором движения. Десять лет — не шутка.

Было естественным то, что мальчишки пятидесятих годов по собственному почину после работы или после уроков помогали вскопать грядки под картофель бывшему солдату, потерявшему на войне руку. Потому что ему самому не упорядочиться. Или весной ехали за тридцать километров в соседний район, чтобы раздобыть там лекарство для человека, у которого разболелись ноги, отмороженные в сорок первом под Москвой. Этому никто особенно не удивлялся, ребята делали доброе дело. Они помогали не только бывшим фронтовикам, а вообще всем, кто в этом нуждался. И происходило это повсеместно, в том числе и в Ельне. Потом эти мальчишки выросли, разъехались по другим городам, а в дома, где живут люди, которым необходима их помощь, пришли другие.

Но все-таки именно в Ельне шефство над ветеранами войны впервые было возведено в систему, со всеми тщательно продуманными формами и строгими законами. Например, двоечникам в операциях «Долг» участвовать не разрешали, задания отрядам запечатывались сургучом в особые конверты. Взрослые ребята обходились без этих атрибутов, но железная дисциплина была одинакова для всех, кто имел отношение к этому движению.

У самых его истоков стояла Зоя Ивановна Казелина, бессменный директор районного Дома пионеров. Именно она провела первое заседание штаба «Долг», она совместно с райкомом комсомола возглавила первый комсомольский трудовой десант в пользу инвалидов войны. Мне говорили, что эта хрупкая темноволосая с ясными, теплыми глазами женщина не знала усталости, работая наравне со взрослыми парнями, каждый из которых был втрое сильнее ее. Что же она делала? Заготавливали для фронтовиков и семей погибших на войне дрова, копали огороды, ремонтировали жилье, дежурили около больных. Это вовсе не значило, что семья, которым они помогали, были лишены государственной заботы. Для оказания материальной и хозяйственной поддержки бывшим фронтовикам, семьям погибших, инвалидам войны в особенности, существуют специальные, растущие год от года фонды и возможности. Молодежь же добровольно взяла на себя часть этих забот.

Позже кто-то предложил прикреплять на домах ветеранов красные звезды. Операция так и называлась «Красная звезда». За одну ночь ребята прибили больше 900 звезд — столько жило в районе фронтовиков и семей погибших солдат. Эти звезды все время обновляются, а порой появляются новые. Приедет кто-нибудь в район, первыми к ним приходят следопыты, расспросят, нет ли среди новых жителей бывших фронтовиков. Если есть, на следующий день в городе или деревне появляется еще одна звезда.

...К Дому пионеров обычно ходят парком, мимо монумента, поставленного ельнинцами в честь рождения гвардии. Высокие прямые вязы, как молчаливые стражи, обступают с трех сторон заставших в камне героев и граненый бетонный штык, на плоскости которого высечены наименования соединений, ставших в Ельне гвардейскими.

Парк тянется до самой окраины города, к неглубокому, поросшему камышом пруду. На берегу его и стоит одноэтажный, ладно скроенный деревянный дом, где хозяйка — пионерка и Зоя Ивановна. Однажды мы проходили парком вместе с Виктором Пируновым. У монумента Виктор предложил остановиться.

По парку хлестал мокрый тяжелый снег. Пирунов, прислонившись к дереву и подняв мокрое от снега лицо, смотрел вверх, в дымчато-белое небо.

— А ведь здесь нарочно скамеек близко нет, — вдруг сказал он, — это мы так решили, вернее, все, кто строил монумент. Сначала хотели поставить, а потом подумали — нет, здесь люди должны стоять.

— Расскажи, что было потом, — попросил я. — ...Потом Сергей Максимович пригласил меня к себе и дал посмотреть разные фотографии. Некоторые были совсем старые, с отломанными краями. Он рассказывал мне о каждой по очереди. Так я узнал, что Серенков после ранения попал к партизанам, много раз ходил на боевые задания, считался лучшим стрелком в отряде. А потом его опять ранили...

Когда он первый раз пришел к Сергею Максимовичу Серенкову, тот сказал, что никакой помощи ему не требуется. Мало ли что пенсионер и ветеран, сам еще в силах воды принести, а он, Виктор Пирунов, пусть лучше идет по своим делам. Парень отошел к соседнему дому и проторчал там до вечера, наблюдая за Сергеем Максимовичем. Серенков хоть и хвастался здоровьем, больше одного ведра за раз не носил, взявшись колоть дрова, через каждые пять минут садился отдыхать. Давали себя знать ранения и большое сердце. На следующий день Виктор опять пришел к дому Серенкова.

— Ну что ты здесь трешься, парень, неужто делать нечего? — прокричал ему Сергей Максимович через забор.

— Нет! — прокричал ему Виктор. — Я же вижу: вам трудно. Зачем же вы отказываетесь?

Серенков прислонил лопату к кусту, поглядел на Виктора, улыбнулся и сказал:

— Ну иди сюда, потолкуем.

Так они подружились, человек, у которого на подходе был седьмой десяток, и комсомолец Виктор Пирунов. А потом Виктор и вовсе переехал к Сергею Максимовичу, потому что родители парня жили совсем в другом месте, и ближе Серенкова скоро у него никого в Ельне не стало. Обязанности между собой они поделили просто — Серенков делал по дому всякую нетрудовую работу, а если надо было что-нибудь потяжелее — на огороде ли, воды принести или за дровами съездить, — дожидался Виктора. Не дожидись он его, Виктор бы здорово обиделся. А обижать его Серенков не хотел.

Такова короткая история только одной дружбы, наверное, не самой простой. В каждом случае она своя, непохожая на предыдущую. В школе № 2 я познакомился с комсомолкой Наташей Бурмистровой. Три-четыре раза в неделю она навещает семью Клюшниковых, стараясь посылить помочь Анастасии Ивановне и ветерану войны Александру Фроловичу. Началось это, еще когда Наташа училась в пятом классе, девочкам дежурила у постели больной Анастасии Ивановны, ездила за лекарством в другой город и даже квасила капушту на зиму для своих подопечных. Сейчас Наташа заканчивает школу.

— Сначала они думали, что мне это в тягость, что просто мне дали поручение и я должна его выполнить. Может быть, и я так думала, пока к ним, как в гости, ходила. Прошел год, оба привыкли ко мне, а я к ним, мы даже летом не расставались. Уеду куда-нибудь на неделю, а у самой душа болит — как они там. Понимаю, трудно им без меня, и мне без них тоже, ведь они для меня как родные стали...

С Пируновым мы тогда шли в Дом пионеров, где собирались члены штаба операции «Долг». Подошли ребята с обозного завода, девушки из райбольницы, с трикотажной фабрики, секретарь райкома комсомола, в общем, народу набралось много. Мы расселись возле окон, и Зоя Ивановна сказала, что надо срочно обсудить некоторые вопросы. Тут встал Юра Рыбаков из школы № 2 и с обидой в голосе произнес:

— Вчера к Калиновой приходили ребята из первой школы — предлагали помощь, а мы уже несколько лет как над ней шефствуем, это наш район, и мы просим не путать.

Мы невольно заулыбались.

— Почему так получилось, Валерий? — спросила Зоя Ивановна. — Все отряды давно имеют свои зоны действия, в них и надо работать.

— Нашей подшефной — Колосковой дома не было, вот одна группа и зашла к Калиновой. Все равно зря, она сказала, что привыкла к своим.

— То-то.

— Герасеву, на Вокзальной улице, надо отремонтировать квартиру, с райжилотделом согласовано.

— Пусть ребята из автохозяйства возьмутся.

— По Пролетарской звезды пора обновить и канаву у дома Бороздина, что дорожники оставили, засыпать.

— Первая школа, ваша зона, чтобы на этой неделе сделали.

— Наши ветераны предлагают костер в лесу организовать для младших классов, просят комсомольцев помочь расчистить поляну.

— Райком на себя возьмет, уже договорились.

— Девушки, рейд на Вокзальной улице когда проводите?

— На следующей неделе, Зоя Ивановна.

— Балтутинцы просят помочь им заменить ограду у братского кладбища, нужен сварщик... Саша, поговори с ребятами, у вас в гараже должен быть.

— Найдем.

В райкоме ВЛКСМ я перелистал альбомы со сводками по операции «Долг».

...В результате поиска, ведущегося отрядами следопытов, установлено, сколько воинов погибло на территории Ельнинского района Смоленской области в период с 1941 по 1944 год.

На сегодняшний день комсомольцы и молодежь района шефствуют над 947 семьями погибших, инвалидов войны и ветеранами Великой Отечественной войны.

Следопыты Шарাপовской школы Николай Спиридонов, Владимир Папченко, Валерий Лобусов, Николай и Виктор Бобровы отремонтировали крышу дома, где живет мать погибшего партизана Вера Антоновна Малолеткина.

...Ивонинскими комсомольцами проведен трудовой десант в деревню Нежда. Для Серафимы Степановны Володченко, сыновья которой погибли на войне, заготовлены в лесу два воза березовых дров. Дрова распилены и уложены в штабеля.

...Проведен сбор отряда добосищенских школьников у ветерана войны Ф. Е. Гришина. Участник обороны Ленинграда рассказал ребятам о битве за легендарный город. Школьники поздравили Гришина с годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота, поделились с ветераном своими успехами в учебе.

...Комсомольцы районной больницы организовали рейд по домам инвалидов и ветеранов войны. Обследованы дворы, нуждающиеся в озеленении, учтены просьбы людей к органам здравоохранения, проведена санитарная обработка четырех домов...

...По заданию райкома ВЛКСМ комсомольцы и молодежь Лопатина провели поход по местам боев ополченцев Дзержинского района г. Москвы. На 5-й день похода в районе деревни Островщина в лесу обнаружили братскую могилу советских воинов. От местных жителей узнали, что в этом лесу располагался армейский госпиталь. Был послан запрос в Министерство обороны, откуда подтвердили местонахождение госпиталя. По данным архива, в братской могиле захоронено 1980 солдат и офицеров Советской Армии. 12 дней, живя в лесу в палатках, учащиеся строили памятник воинам. Пятиметровый обелиск был открыт в торжественной обстановке. В настоящее время выясняются имена всех захороненных в братской могиле бойцов.

Десятки донесений, написанных на разложенных листах и в массивных альбомах, телеграфно коротких и подробных, они передают не только суть событий, но и атмосферу времени, социальный и патристический климат, в котором живет ельнинская молодежь.

И еще одна характерная деталь: на письменных столах секретарей райкомов партии, комсомола, председателя исполкома райсовета, у директоров школ, многих партийных и советских работников района я видел один и тот же отпечатанный на машинке список — «Участники Великой Отечественной войны, живущие в Ельнинском районе». Там — построчно имя, фамилия, кратко боевой путь, в особой графе — в каком виде помощи нуждается, ответственный за выполнение. Например, Василий Антонович Гушин: на фронте с 23 июня 1941 года, участвовал в обороне Москвы, освобождал Ельню, Оршу, был ранен, живет в Балтутине, работает трактористом, в материальной и хозяйственной помощи не нуждается, ответственный — комсомольцы совхоза. За что же они ответственны, если отвечать не за что? За многое, например, за то, чтобы трактор Гушина не простаивал на ремонте, чтобы ветеран вовремя получил поздравление с праздником, за то, чтобы ничто и никто не омрачало его жизнь, жизнь, которую он не щадил, сражаясь с врагами.

Владислав СУКАЧЕВ,
участник VI Всесоюзного
совещания молодых писателей

В ТОЙ СТОРОНЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ И СОЛНЦЕ

Макар Чупров верил в жизнь. Она дала ему тайгу, дала небо и тридцать пять лет, которые он почти и не заметил. И за это он тоже благодарил жизнь, ибо лет своих не считал, чужим не завидовал, а просто был на земле Макар Чупров и была земля — это главное.

А и бывают же места на земле. Сколько Макар тропит по ней, а два одинаковых места кряду и не повстречал. Там озеро в самом не подходящем для себя месте расплескалось, а там смотришь и диву даешься: ручеек, в чем только душа держится, пещеру на полста метров грудью продавил. И Макар смотрел, не уставая смотреть.

Макар понимал природу и ценил в ней равновесие. Однажды подстрелив по весне глухарку и два месяца промаявшись воспитанием ее ненасытного потомства, теперь он в эту пору и по самой сорной живности не стрелял. Он научился уважать законы, по которым все рождается для того, чтобы счастливо жить и продолжать себя в потомстве...

Макар сидел в крохотной боковушке районного КБО (давно прозванного в поселке конструкторским бюро) и в единственное, засиженное мухами окно смотрел сквозь дома и улицы на синие хребты Мяо-Чана. И виделась ему тропы, по которым идут сейчас гордые важенки, и костры, над которыми мерно покачиваются закопченные котелки. И что бы ни делал Макар, а земля в нем жила, произрастая чудными желаниями. Вобьет ли он одним ловким ударом деревянный гвоздь в подметку, а ему чудится, что по боковушке запах березовых листьев пахнул, возьмется за вар, дратву просмолить, и вот она, закручивается в трубочку золотистая кора. Но сильнее всего томило Макара Чупрова по утрам, из-за чего у него и спор со сторожем выходил.

Любил он ранний час, любил и понимал. Вскочит с первыми петухами и к окну. А на улице темень еще, лишь слегка пробрызганная светлыми пятнами. И нет терпения Макару, выскочит на улицу и зашагает встречь солнцу. Так каждое утро словно на свидание и ходит. А уж как солнце из-за сопки вывалится — домой идти никакого желания нет, и заворачивает Макар к конструкторскому. А сторож, черт сиволлапый, в этот момент в самый сон входит. Робко и долго стучит Макар, печалась тем, что нарушает звуками природу утра, пока не рявкнет Семен в последнем исходе ярости:

- Фу, черт! Кого там лихоманка трясет?
- Да это я, — робко потянет из себя Макар.
- Кто я-то?
- Да Макар же. Я это, дядя Семен.
- Я, я. Какой хрен тебя по ночам носит?
- Какая же ночь, дядя Семен? Утро уже. Вот и солнце взошло. Вон как выпекается нутром, а вот окаемка еще росит. — Макар говорит и говорит, не отрывая взгляда от восходящего солнца. И каждое утро Семен не устает дивиться такой крайней способности Макара к болтливости.

РАССКАЗ

Детство

Летит, летит бумажный змей,
Кому-то десять лет.
И вспыхнул в памяти моей
Березовый рассвет.

Змей улетает в синеву,
А может, в чудеса,
Я вижу детство наяву,
Кордоны и леса.

Мой змей гривастый бьет хвостом
По тучам грозовым,
А дождик — розовым кустом,
Таким густым-густым.

Змей сел в далекие луга,
За тридевять земель.
На небе чистом — радуга,
В лесу — дремучий хмель.

И я иду за радугой,
В лицо с ветвей — вода.
А на земле война тогда
Сжигала города.

Снег кружит, кружит, кружит!
Белым-бело!
Прорубь уже,
Ниже село.

Мороз идет по насту
Влюбленных проучить:
Целуются —
И баста! —
Стучи им не стучи.

Гудят бураны грозно,
Поземка
Волчком.
Глядят они на звезды,
Целуются молчком.

И Дед Мороз с разбега,
Под вьюги вой
Папахую из снега
Укрыл их с головой.

И вдруг наш дед услышал:
Целуются опять!
Мороз из деда вышел
И бросился бежать.

Бежит он,
А вдогонку
Ручей звенит.
И снова потихоньку
Целуются они!

Если перья опали,
И крылья — руками,
Если слово на камин
Упало, как камень,
Как мертвая птица, —
Значит,
в мире чудесного нет.
И не будет уже,
Не случится.

Только дети летают,
Летают,
Летают,
Но это им снится.

Лишь в детстве
время есть
Послушать песни
трав,
Вглядеться в мир,
кипящий под ногами,
И грезить вьюж
чужими берегами,
К земле лицом,
как к матушке,
припаив.

Один, как перст,
Поморский крест.
А кто под ним, давно забыто.
Стоит он здесь, за нас моля.
Царю — казна.
Себе добыто
Покой,
И море ледовито,
И ледовитая земля.

Соловей и мал и сер без песен.
Нет орла без гор и поднебесья.
Нет любви — и человека нет!
Не пеняй, не злобствуй и не сетуй!
А ступай, ступай по белу свету
И горы, тони и пропадай...
И она, день будет, встрепенется,
И взлетит, и канет, и вернется.
И, должно быть, сильный дождь
пройдет!

И тогда благослови дорогу,
Не жалея. Раздаривай помногу.
Не убудет!..
Есть у сказки этой поясок,
Есть у моря
Берега песок.
Есть у света тьма
И день у ночи.
Слово — миг, а жизнь того короче.

Василек,
Василек,
Василечек!
Васильковый веселый цветок.
У меня черноглазый сыночек,
И сыночку сегодня годок.

Льются ветры
Полями,
Как реки.
Плещут листья,
как рыбы хвостом.
И в лесу
на высоком на берегу,
Словно анста —
песни гнездо.
Оперяется песня, как птица,
Чтоб лететь, и парить,
и кружить,
И кому-то сниться приснится,
Улетевшая за море жить.

Кто — не знаю,
Но ко мне
Ночью приходили.
Засмеялись
И в лицо
Чем-то посветили.
И потом, —
Топ-топ, топ-топ,
Убегали стаей...
Я глаза открыл —
Сугроб
Под окном растаял.

Весне не лгут!
Весне не лгут!
Не лгут весне.
Весна — надежда.
Ее не судят по одеждам,
Ее, как детство, берегут.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

В светящихся березах

Там, где пень в подснежниках по поясоки гнал, не в силах выгнать лист, вынул нож и выемку на конус выдолбил во пне бульдозерист. Влаги той, что в лунке набиралась, он напился и ушел легко. А на вешней просеке осталось щедрое круглиться озерко. В нем, за край готовая пролиться, светлая накапливалась сыть, и ее лесные зверь и птица приходили досыта испить. Забрел из леса грузнобокий к роднику березовому лось, прилетали сойки да сороки — вволю им из пенышка пилоось. И пчеле усладю служила и шмелю дарилла хрустали влагу изливающая жила из глубин оттаявшей земли. Ты среди подснежниковой сини и влаги сам прильни и различи, как в приглубой лунке-сердцевине светлые всколеблются лучи.

Сходят зимние снег и наледь с пробужденной земли сырой, и уже не водою залит перелесок береговой. Там подснежник расплеснут тонкий той ли травкою-одоленъ так, что бомбовые воронки все заполнены синью вскленъ, Там небесною столь всесильно голубенью объемлет вас, что, глядишь, полыхают синью даже глуби зеленых глаз. Там и в нас из лесных колодцев синий звон столь обильно влит, что и места уже, сдается, нет ни в ком из нас для обид.

Сам до сердца самого просвечен, до печенок синью облучен, долго будешь счастливы ты от встречи с этим удивительным ключом.

Самой подходящей из оаций — лиственной — в лесу захлестнут я, там, где робко стала распускаться милая черемуха моя. Если б мне томящимся от жажды жить среди пернатых запева, я б с листов черемух не однажды по росинке-ягодке клевал. Меж стволов порхал бы забиякой, и они бы мне дарили сок, оттого бы песенный и всякий мой не прерывался голосок. В пору ту любому бы казалось, кто лесных чурается чащоб, самую приветливою заросль, трелью оглашенная взახлеб. Вот тогда бы и вздохнул легко я оттого, что, страху не дана, посетить зеленые покои женщина решила бы одна.

Я б ее в лесных моих хоромах, где в протоке моют ветровал, посреди березок и черемух песнею моей зачаровал. Знал бы мир, от песни сотрясаясь, что сама взмахнула в этот раз самая из самых раскрасавиц флаг — косыночкой белою. Сдалась. Стала вдруг смиренницей такою, как ее подруга эта вот: белая черемуха, над коей сатанеет птаха. Соло вьет.

руха да твоя Нинка. Только мою чуть позже привезли, а твоя-то еще с ночи занемогла.

— Ага, — сказал Макар Чупров и глубоко натянул кашпошон, — я пойду.

— Они вон у того оконца и лежат, — показал Семен, — да ты поменьше там маячь, свидания им запрещены.

Макар медленно поднялся на взгорок, земля здесь была глинистой, и его сапоги обросли громадными комками грязи. Он долго и тщательно счищал ее щепкой, а счистив, и еще постоял в раздумье, и лишь затем пошел к окну. Вначале он увидел Семенову старуху. Она лежала лицом к окну, чинная, спокойная, в непривычных для ее деревенского лица очках с зелеными тесемками. Заметив Макара, старуха пошевелила губами, и у окна появилась Ниночка в коричневом халате, отчего показалась Макару значительно выше ростом и строже лицом. И только теперь Макар спохватился, что не принес никакого подарка.

Ниночка облокотилась на подоконник и прижалась лицом к стеклу. Макар видел ее удивленные и радостные глаза, остро выширяющие ключицы и березовую прозрачность кожи на длинной шее. Он неловко топтался у окна, непривычно заглядывая в ее лицо снизу вверх.

— В общем, так, — тихо говорил Макар, — в тайге теперь дождь и очень сыро, и тебе там быть сегодня все одно нельзя. Потому как в такую погоду застудиться можно в два счета. А Ласка вот радуется, ей в такую непогоду, когда рыба без осторожности играет, самое приволье. Тебе привет передает, скачает.

Все это Макар говорил очень тихо, рукавом утирая лицо от дождя, и Нина, конечно же, ничего не расслышала. Но она согласно кивала головой, а потом улыбнулась и тоже тихо поблагодарила его за привет от Ласки.

— А вот выздоровеешь, — продолжал Макар, — к тому времени и солнце силу возьмет и лес достаточно пообсохнет. Вот мы по сухому и пойдем.

И опять Ниночка покивала головой, а потом велела уходить и не мокнуть напрасно под дождем. Макар согласился и тяжело пошел от окна. Когда оглянулся, Ниночка улыбалась ему, и он тоже тихо улыбнулся и, уже не оглядываясь, пошел от больницы.

В той стороне, где каждое утро восходило для Макара Чупрова солнце, призрачной полосой наметился просвет в тучах. Он знал, что там уже нет дождя, что с той стороны заходит долгое августовское ведро.

Александр ДАНИЛОВ
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ПРАВО ТВОРИТЬ

ИДЕТ ОПЫТ.

Студенческий научно-исследовательский...

Я успел обойти оба этажа здания института, и у меня осталось еще довольно много времени. Около какого-то стенда я остановился. Перед глазами у меня была диаграмма роста авторских свидетельств. Я непроизвольно отметил резкое увеличение числа авторских свидетельств в последние два года. Потом я увидел четко выписанное слово «ниогрин», возле которого была нарисована эмблема Знака качества. С этих стендов меня явно «бомбардировали» какой-то информацией, может быть, даже нужной мне, но я в тот момент думал о другом.

Мне трудно было убедить себя в том, что НИИ, в котором я находился, действительно НИИ. И даже доска — трафаретная учрежденческая вывеска на фасаде здания — меня не убеждала, хотя каждый грамотный человек своими глазами мог бы прочесть, что перед ним научно-исследовательский институт. Дело в том, что на этой доске было еще одно слово: «студенческий». Это был не НИИ, а СНИИ. «Ну так что же из этого?» — может последовать возражение. Как «что»? Позвольте спросить: много ли вы видели в своей жизни студенческих научно-исследовательских институтов? Не напрягайте память: если вы не видели этого, башкирского, в Уфе, значит, вы ни одного не видели, потому что этот — пока единственный. И если при наличии разветвленной сети всяких НИИ возникает еще один, о котором можно говорить как о единственном в своем роде, то, на мой взгляд, правомерным

становится вопрос: НИИ ли это? Всякое исключение есть отклонение от нормы. В таком случае положено выяснить, чем оно вызвано.

Существующие (по крайней мере на сегодняшний день) и привычные нормы, в частности, предполагают, что студент не может постоянно работать в НИИ на правах научного сотрудника. Потому что студенту положено учиться в своем институте. После окончания вуза студент перестает быть студентом и становится специалистом. Тогда он может работать в НИИ. Между этими понятиями — «студент» и «НИИ» — лежит совершенно очевидный и привычный нам переход человека в какое-то новое качество. Существуют понятия «сначала» и «потом», существует последовательность, которая и является мерилем этого качественного перехода учащегося (студента) в специалиста (скажем, в сотрудника НИИ). Последовательность исчезает, если понятия «студенческий» и «НИИ» соединить, как это сделано в Уфе, на фасаде того учреждения, в котором я отважно распахивал все двери...

В общем, к моменту беседы с ректором Уфимского нефтяного института профессором З. И. Сюняевым, который был инициатором этого дела, я довел свое любопытство до критического состояния...

...Когда я вошел в его кабинет, то увидел перед ректором человека в телогрейке, который о чем-то, не торопясь, рассказывал. Рассказ этот явно шел к концу, поэтому я уяснил суть разговора в самых общих чертах.

Дело представлялось мне весьма прозаическим: из Ферганы в Красноярск прибыл товарняк

с коксом, и собеседник профессора рабочий Виктор Печенкин рассказывал о том, как он встречал товарняк в Красноярске, куда был командирован институтом специально для этой встречи.

Я узнал, что железнодорожный состав пробыл в пути неделю и что температура воздуха во время следования все время держалась на отметке ниже двадцати градусов. При этом сообщении ректор заметно оживился, хотя двадцать два градуса мороза в январе под Красноярском — явление не сенсационное. Дальнейшее в рассказе Виктора Печенкина тоже показалось мне вполне логичным: вышеуказанный кокс в пути смерзся намертво и из сыпучего материала, каковым он всегда был, превратился в монолит. Поэтому разгрузить его было очень непросто: целая бригада, вооруженная ломом и отбойными молотками, с одной только платформой провозилась часов пять и была вынуждена отказаться от этой затеи. Грейферный кран пригнали...

— Ну и что же? — с большим интересом спросил ректор.

— Известно, — пожал плечами рабочий. — Не берет... Погнали состав в тепляк.

Я слушаю историю с товарняком, получая, таким образом, представление о том, во что обходится железнодорожникам (вероятно, не только им!) разгрузка одного состава с коксом в зимних условиях. Правда, я не совсем ясно представлял, какое отношение этот кокс имеет к интересующей меня теме — к работе студенческого НИИ.

— А как наш? — спросил Загид Исахаович Сюняев.

— Как летом,— последовал ответ.

«Как летом» означало, что один из вагонов в том составе, предварительно обработанный специальной смазкой, разгрузился полностью за десять минут. В этом вагоне кокс сохранил все свойства сыпучего материала. Смазка была сделана в студенческом НИИ. Так я с ходу ознакомился с историей создания ниогрина, применение которого только в одном прошлом году дало экономии семь миллионов рублей.

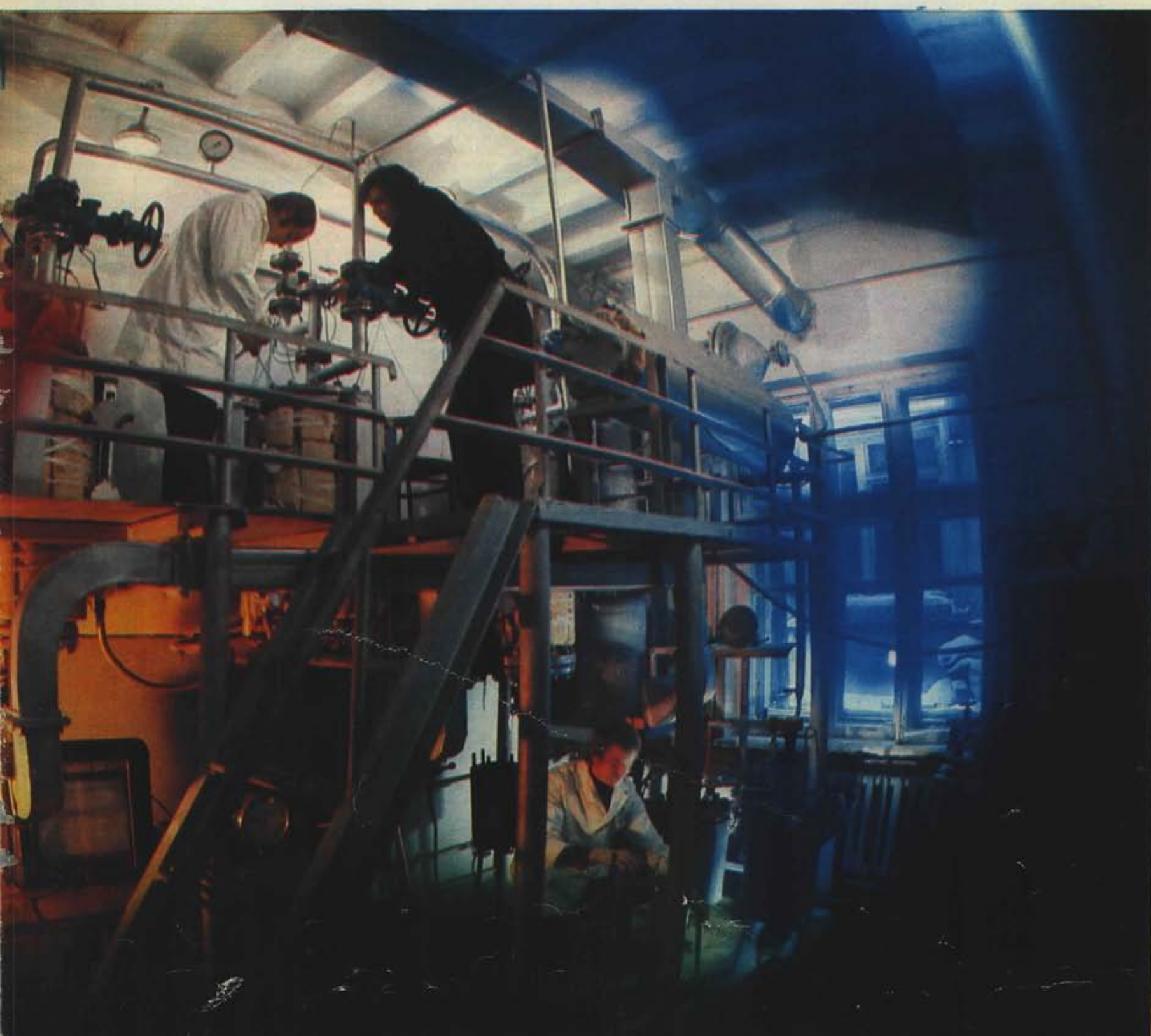
Я задал важный для меня вопрос:

— Смазка сделана по заказу?

— Да,— ответил профессор.— Все группы студенческого НИИ работают по хоздоговорам.

Одним словом, по всем функциональным и всяким другим признакам это был полноценный НИИ, загруженный промышленными заказами, занимающийся решением многих насущных практических проблем, полностью отвечающий за уровень и результат своей работы в рамках, предусмотренных договорными соглашениями между НИИ и предприятиями. Более того, судя по количеству деловых предложений, этот студенческий НИИ, несмотря на небольшой срок своего существования, уже успел завоевать прочную репутацию у самых разных промышленных предприятий, что свидетельствовало о профессиональной состоятельности и компетентности всего коллектива СтудНИИ, или, как его здесь привыкли называть, СНИИ.

На первый взгляд выходило, что студенческий НИИ вообще ничем от обычного не отличается,

хотя где-то в глубине, в самом принципе существования СНИИ, должно было быть заложено существенное отличие от обычного НИИ.

— Так и есть, — подтвердил ректор. — Знаете, в чем оно состоит, это принципиальное отличие? У нашего студенческого НИИ и у обычного НИИ разные цели.

— Цели разные, а результаты одинаковые? — удивился я.

Я имел в виду систематический и обязательный выход работы СНИИ на промышленность, когда говорил о результатах.

— Отчасти так, — согласился профессор. — Но только отчасти. Впрочем, мы, кажется, начали разговор с середины?

Да... Я явно забежал вперед... Между тем следовало узнать, как образовался этот студенческий научно-исследовательский институт внутри нефтяного института (а может, не внутри; может, как продолжение самого вуза. И даже не это надо было узнать в первую очередь... Не это! Надо было попытаться найти ответ на вопрос: почему именно НИИ образовался? Что это — следствие случайности, которую никогда нельзя игнорировать полностью, так же, как нельзя совсем игнорировать возможный элемент везения, удачливости, внезапной находки, — или же в появлении такого НИИ можно усмотреть определенную закономерность времени, проявление каких-то тенденций, характерных именно для нашей эпохи, которую мы отмечаем как эпоху научно-технического прогресса? Если наше второе предположение хоть отчасти подтвердится, мы можем сделать важный вывод: единичность существования студенческого НИИ совсем не является признаком его исключительности.

Две цифры.

Считается: первое — объем знаний в наше время удваивается каждые 7—10 лет; второе — полное обновление техники происходит каждые 10—15 лет.

На то, чтобы стать высококвалифицированным специалистом, то есть получить среднее и высшее образование, человеку по сей день требуется 15—16 лет (школа и вуз).

Это, безусловно, очень приблизительные данные, но даже по ним видно, что профессиональные навыки и знания специалиста человек сейчас приобретает медленней, чем требуется. Опыт показывает, что к 15—16 годам, потраченным на приобретение знаний, надо прибавить еще два-три — время, в течение которого молодой специалист осваивается в производственной среде, прежде чем начинает работать с полной отдачей. Другими словами, молодой специалист скоро может оказаться в положении пассажира, который покупает билет в тот момент, когда его поезд отходит от перрона, и для того, чтобы начать путешествие, ему придется сначала тем или иным способом догнать свой поезд... Если же увеличить и без того колоссальный объем программной информации, то непременно придется еще больше растянуть срок обучения — таким образом задача не решается. А кроме всего прочего, существуют пределы насыщения — нельзя без конца увеличивать объем обязательных знаний, в какой-то момент они просто перестают восприниматься.

Выход напрашивается один: заменить огромный объем обязательных знаний другим, меньшим, но вкладывать в этот меньший объем качественно новую программную информацию.

— Мы, — говорил профессор Загид Исхакович Сюняев, — сейчас стараемся дать студенту объем знаний, условно состоящий из двух частей. Первая часть — тот обязательный минимум, без которого не может быть специалиста. Этот фундамент закладывается на первых трех курсах. Вторую часть мы называем «подвижными знаниями»: развивать профессиональное мышление студента, сделать его ум гибким, способным к восприятию новых знаний и к самым сложным операциям с вновь полученной информацией. Мы не можем сейчас дать студенту те конкретные знания, которые могут понадобиться ему лет через десять, когда он будет уже опытным специалистом. Появится новая техника, пойдут новые технологические процессы, которых сейчас мы просто не знаем! Но мы обязаны подготовить нашего выпускника таким образом, чтобы в течение всей своей дальнейшей деятельности он мог достигать каждую новую ступень самостоятельности. А этого можно достичь только развитием системы мышления.

— Но ведь одними лекциями да практическими занятиями этого не достичь, — сказал я, представив себе, какая должна быть проведена кардинальная перестройка всего учебного процесса внутри вуза.

— В том-то и дело, — заметил Загид Исхакович. — Весь вопрос в этом — как ее «достать», эту «подвижную» часть знаний! Но мы с этим столк-

нулись лет шесть-семь назад... Сейчас уже есть какой-то опыт...

Результатом этого опыта, этих поисков и явился студенческий НИИ. Первый в стране.

Вопрос о приоритете ректор Уфимского нефтяного института не рассматривает как первоочередной. Но коль скоро я коснулся этого в разговоре, Загид Исхакович моментально внес ясность:

— Наш НИИ — это в наших условиях оптимальный и, как мы считаем, удачно найденный вариант. Но, в сущности, первым перешел на новую систему обучения Московский физико-технический институт. Идею они преследуют ту же, но им легче ее реализовать: в Москве сосредоточено столько всяких НИИ и других центров, что физтеху совсем не обязательно иметь свой собственный НИИ: студенты-старшекурсники физтеха имеют возможность приступить к практической деятельности на базе существующих научно-исследовательских институтов.

Этой возможности не было у студентов Уфимского нефтяного института.

В Уфе много заводов. Сначала возникла мысль создать на заводах базовые кафедры. Заводы рядом, казалось, замкнутся на них — самый верный и прямой путь. Однако вскоре эта идея вызвала ряд сомнений. Слишком уж разные цели у завода и института. Студенту, попавшему на завод раньше времени, грозила опасность превратиться в прикладного недоучившегося специалиста: не исключено, что жесткие производственные планы завода оказались бы в своем влиянии на студента более сильными, чем чисто учебный вузовский процесс, и студент попал бы «между двух огней». Между тем практическая деятельность должна подкреплять учебную программу, но не отвлекать от нее и не подменять ее. Практическую деятельность студента надо было поставить под постоянный контроль вуза и учебных программ. Тогда и появилась идея создания собственного студенческого НИИ.

Находясь под эгидой вуза, студенческий НИИ больше не имеет «других хозяев» и всегда оставляет за собой возможность выбирать заказчика. Другими словами, заказчик не в силах навязать СНИИ свою тему, и потому студенты работают в своем научно-исследовательском институте только над тем, что органически связано с учебным процессом. В остальном же работа СНИИ ничем не отличается от работы обычных НИИ. Все, что делается в лабораториях СНИИ, имеет целью выход в промышленность. Коренное отличие, таким образом, определяется только одним моментом — правом выбирать себе тему для работы.

СНИИ создан при технологическом факультете Уфимского нефтяного института. Директором СНИИ является декан технологического факультета Лев Васильевич Долматов. Лабораториями и группами руководят преподаватели института, в качестве научных сотрудников работают студенты старших курсов.

...Так уж получилось, что, едва переступив порог кабинета профессора З. И. Сюняева, я приобрел к проблемам «прилипания» и «смерзания» сыпучих материалов, прослушав историю товарища с коксом. И потому сразу узнал о ниогрине. Этот ниогрин, к слову сказать, стал пробным камнем для студенческого НИИ и, может быть, во многом утвердил сам факт существования СНИИ.

Дело в том, что через этот удачно подвернувшийся первоначальный заказ СНИИ счастливым образом нашел свое межотраслевое поле деятельности. В большинстве промышленных отраслей есть мощные отраслевые НИИ, в которых сосредоточены крупные научные силы. СНИИ, который делал свои первые шаги, было бы очень трудно внедряться «на занятой территории» и выдерживать конкурс на зрелость с сильными отраслевыми НИИ. И вот первый же заказ случайно вывел этот маленький студенческий корабль на просторы межотраслевых морей... Таким образом, были уточнены не только задачи СНИИ, но и его местонахождение в сложной иерархии отраслевых институтов.

Произошло это так. Сотрудники одного «угольного» НИИ долго бились — в плане, так сказать, порядке! — над решением уже известной нам проблемы «прилипания». Свойство сыпучих материалов прилипать к днищам и стенкам вагонов приводило к огромным материальным потерям: при разгрузке четвертая часть содержимого практически оставалась в вагоне, и такой вагон приходилось считать порожним. Подобные «порожняки» съедали миллионы рублей.

Занимаясь решением проблемы, сотрудники «угольного» НИИ пришли к выводу, что изобрести железную дорогу и угольную промышленность от этой беды могут... нефтяники. И пошли заказы «нефтяному» НИИ. Но у «нефтяного» НИИ своих проблем по горло, причем проблем плановых, так сказать, первоочередных. Желаящих сверх пла-

на заниматься «угольными делами» не находилось. И тогда кто-то из сочувствия к коллегам-угольщикам возьми да и предложи им обратиться в студенческий НИИ при Уфимском нефтяном институте. Случай был редкий в практике угольщиков, но у них выбора не было и терять им было нечего. И вообще, чем черт не шутит! Кстати, у СНИИ в ту пору тоже выбора не было. Это сейчас уже вместе с популярностью СНИИ имеет и заказы в избытке. А тогда, так же как и угольщикам, студенческому НИИ выбирать не приходилось. И терять было нечего. Заказ был принят, в результате чего появилась смазка ниогрин, которая положила конец проблеме «прилипания». Осталась проблема «смерзания».

Я прибыл в Уфу к шапочному разбору: профилированный вагон, как докладывал профессор З. И. Сюняеву Виктор Печенкин, после недельного зимнего путешествия по Средней Азии, Казахстану и Сибири разгрузился, «как летом», — за десять минут. Такова вкратце история ниогрина, применение которого в ближайшие годы должно дать 30—40 миллионов рублей экономии. Около пятидесяти предприятий страны занимаются сейчас промышленным выпуском этой смазки. Ко всему прочему оказалось, что ниогрин нужен не только угольщикам, но и нефтяникам.

Работала над ниогрином одна небольшая группа. Если перечислять другие проблемы, которыми СНИИ занимался в последние три года и которыми занимается сейчас, то это будет содержание еще одной статьи.

Но, может быть, наш рассказ о том, как возник студенческий НИИ, — это все-таки рассказ об одном институте, который сумел найти для себя такую эффективную форму, обогатившую весь внутринститутский учебный процесс? Ведь СНИИ возник как один из нескольких возможных вариантов, который в условиях Уфы, — может быть, всей Башкирии — оказался более предпочтительным, чем другие варианты? Может быть, то, что является несомненной удачей в условиях Уфы, в другом городе и в других условиях не даст такого явного положительного эффекта?

Едва я высказал подобное предположительное сомнение, ректор нефтяного института заметил:

— Может быть... В том, что касается формы, — может быть, вы и правы. СНИИ нас вполне устраивает, но это не значит, что подобная форма универсальна и пригодна всем без исключения. Мы и не пытались никогда ставить так вопрос. В Прибалтике, например, я увидел другую весьма любопытную форму: там, скажем, существуют студенческие конструкторские бюро. Тут важна сама тенденция поиска, сам принцип. Но уж если говорить только о такой форме, как студенческий НИИ, то у нас уже есть основания считать ее достаточно перспективной. Хотите ознакомиться? — С этим вопросом Загид Исхакович привнес ко мне пачку деловых бумаг, которые лежали перед ним на столе. Это были письма от министра высшего и среднего специального образования Латвии И. А. Андерсона, Днепрпетровского университета, из Головного филиала Белорусского политехнического института, из Саратовского политехнического, — всего не перечислить, да и не стоит. Потому что смысл их один: как работает СНИИ?

В заключение беседы я задал З. И. Сюняеву традиционный вопрос интервьюера о перспективах.

— Хотим создать аналогичные студенческие НИИ при каждом факультете института, — ответил профессор.

— Что же это будет?!

Я несколько растерялся от такого размаха.

Загид Исхакович не мог сдержать улыбки.

— Это будет современный учебно-производственный комплекс, — сказал он. — На мой взгляд, за такими комплексами — будущее.

Я уходил из института, размышляя обо всем, что услышал с самого начала беседы. Я вспомнил самый первый, чрезвычайно деловой вопрос профессора: «Чем вы располагаете?» Подразумевалось: «Насколько вы информированы и что вы уже знаете о СНИИ?» От прямого ответа я уклонился и с репортерской бесцеремонностью брянул: «Временем...» Профессор на секунду задумался. «Хорошо, — произнес он весьма решительно, — будем беседовать столько, сколько необходимо. Только давайте перейдем в другой кабинет, где нас не найдут».

Пока мы «изолировались», я незаметно переложил из своего блокнота в карман вырезку из центральной газеты. Там было напечатано сообщение о том, что студенческому научно-исследовательскому институту при Уфимском нефтяном институте присуждена премия Ленинского комсомола.

Я знал итог.

А мне требовалось узнать, как все происходило с самого начала...

Ни лишних бед, ни лишнего добра.
Сухая, как обветренные губы,
Голодная, бесснежная пора
Лишь то благословляет, что не глупо.
Не вопреки, а ей благодаря,
Тем самым зачеркнув свои сомнения,
Мы встретились под небом ноября,
В природе, разлюбившей украшенья.
И нам они зачем! Зачем слова!
А мысли — слушай — с этим звуком
схожи:

Фольгой шуршит замерзшая листва,
Хрустит ледка шагреновая кожа
Под зимним сапожком, тобою впрок
Надетым, а еще без желанья
Мне показать, как близкой зимней
ранью

Красив он будет, зимний сапожок.
Но это все — потом, не для меня.
А для меня — улыбка, и молчанье,
И давняя любовь. Без обещанья.
Не вопреки. А ей благодаря...

Алексей ДИДУРОВ

Дежурство на заставе

Спала застава под бездомный свист.
За окнами справляла шабаш вьюга.
Как цирковой гимнаст-эквилибрист,
Фонарь на провод вспрыгивал упруго.

Подчас в пределы светового круга
Вступал посеребренный обелск.
Под ним лежал однофамилец друга.
Я вспомнил это, доставая лист,
Его я приготовил для письма.
Летел по снегу луч

и камень гладил.
Я другу чай согрел —
он был в наряде —
И сел и стал писать:
«Пройдет зима...»

Апрельская любовь

Ни словом я молчанья не нарушу.
Уж лучше пусть весенний дождик чинный
По правилам китайской медицины
Тебе покалывает нежно душу,
Тебе покалывает кожу нежно.
И оталекает взгляд твой от бывшего
На мир, который нынче в полвторого
Не тот, что был, — не ледяной,

не снежный.
В нем нет того, кого ты так любила
И кто любил отнять тебя у мира,
Заставит жить холодными словами,
Хотя б они и жизнь тебе сломали.
Я тоже говорить с тобою волен.
И зимних истин полон так, что болен.
Мне тоже нужно быть с тобою рядом.
Но нужно мне, чтоб ты следила взглядом
За миром, от знымы бегущим к маю.
Мне это выйдет боком! Понимаю.
Влюблен, глупею! Есть еще резоны —
Природа — мать страстей, они сезонны.

Вот потому до скорого прощанья
Ни словом не нарушу я молчанья...

Устают мои глаза, устают,
Потхоньку от меня отстают,
Отстают и возвращаются к ней
Вверх по вечному течению дней.
Ее руки что-то им говорят...

По утрам глаза совсем не болят.

И можно бы, пожалуй, удивиться,
Но есть в миру одно, что всем дано.
Так рамы в зиму рвет больно — и
птицы

Стремятся в растворенное окно.
Так ждут весны, почти и не в живых,
Но ждут весны промерзшие деревья.
И серый обморочный час неверья —
Последний перед пробуждением их.
Так с криком, на пределе немоты,
Чужая серым снам ума и тела,
Душа моя раскрылась до предела —
И к ней из мира устремилась ты.
Так ты пришла. Так оборвались сны:
Румянцем предпоследнего мороза,
Шальной голодной каплей весны,
Бегущей по щеке
От ветра
Косо...

Фаина СТОЛЯРОВА

Еще мне много дней пылится
И днем и ночью на токах,
Коль пахнет спелая пшеница
Теплом в огромных ворохах.
Покуда дышит, как живая,
И ждет отправки в закрома,
Я, суть уборки понимая,
На помощь ей приду сама.
Под августовским чистым небом
С делами надо нам успеть,
И будут руки пахнуть хлебом
И от усталости болеть.

Откружились в последнем вихре,
Отпестрели, как летний луг,
И осенние дни притихли
В ожидании зимних вьюг.
Понимающе и покорно —
От судьбы, мол, куда уйдешь!
И шагает по пашне черной
Морозящий холодный дождь.

В широком потоке современного
стихотворчества, при общем его, не-
сомненно, возросшем уровне поэтиче-
ской техники и версификаторского
умения, все труднее бывает выделить
новое имя. Тем приятнее, когда это
все же удается.

С большим интересом и немалой
надеждой слежу я в последнее время
за первыми шагами поэтов, родив-
шихся в конце годов сороковых и в
пятидесятых. Мне нравится характер-
ное для наиболее способных из них
тяготение к изначальным истокам и
вершинам нашей великой поэзии,
стремление постигать и разрабаты-
вать наиболее плодотворные ее
традиции, стремление к строгости
и точности формы, к ясности и
углубленности мыслей и чувств. Их,
наиболее способных из этого поколе-
ния, в меньшей мере затронули имев-
шие в нашей поэзии предыдущего де-
сятилетия явления такого рода, как
тяга к эстрадности, жажда быстрого
успеха, следование быстротечной мо-
де и тому подобное.

Так привлекли мое внимание и сти-

хи молодого поэта Виктора Кор-
кия, публиковавшиеся в журналах
«Юность» и «Сельская молодежь».

Виктору Коркия 26 лет. Он окон-
чил Московский авиационный инсти-
тут и работает в настоящее время ин-
женером в научно-исследовательском
институте.

Мне по душе неторопливая вдумчи-
вость и сосредоточенность его стихов,
сосредоточенность на предметах су-
щественных, серьезных, достойных
внимания поэзии. Я ощущаю на его
стихах и отчетливый отсвет поэзии
его учителей; я вижу истоки, от кото-
рых он отправляется в свое плава-
ние, — и мне это тоже нравится.

Виктор Коркия — участник VI Все-
союзного совещания молодых писате-
лей. Думаю, что это тоже будет для
него полезной школой.

Быть в начале пути — это и пре-
красно, и трудно, и ответственно. С удо-
вольствием желаю молодому поэту
Виктору Коркия нелегких удач на пу-
ти этом нелегком.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Виктор КОРКИЯ

Отелло

Погашен свет —
и здесь уже нас нет.
В чужую жизнь вторгаемся мы смело,
и больше собственных сиюминутных
бед
заботит нас история Отелло.

Как быстро стерлась разница в веках!
Он знает о событиях предстоящих
не меньше нас,
и боль в его руках —
напрягшихся, взывающих, скорбящих!

Прожектора, бесстрастно свет струя,
всю черноту лица его покажут,
и горько он воскликнет:
— Черен я! —
и Яго это без труда докажет!

И от судьбы своей отрешены,
как мы живем, как мы переживаем!
В плену у театральной тишины
незрячие, во тьме мы прозреваем!

И пусть дрожит фанерная стена
от одного лишь голоса актера!
Здесь только суть.
Здесь жизнь обнажена.
Весь блеск ее величия и позора!

И клевета — все та же клевета
в фанерных стенах, как
и в крупноблочных!
Но жизнь идет, и ниточка стыда
становится одной из самых прочных!

Доверчивости робкая струна,
она звучит над миром
все бесстрашней,
и с каждым часом все нужней она
для жизни нашей!..

Слезами платите!
Слезами и приму.
В моих глазах их курс не обесценен,
в конце концов мы с вами не на сцене.
А если что-нибудь недопойму,
не веря сам, поверю все же вам,
да как я вам поверить не посмею!..
С тех пор, как сам я плакать не умею —
не верить не могу чужим слезам.

И мы проходим через пытки наши,
недоуменно думая о том,
что поначалу и не больно даже,
не так по крайней мере, как потом.

И мы переболели ностальгией
по будущему — больше не томит,
и самые на свете дорогие
не спрашивают, что у нас болит.

Мы на потом оставили так много,
что горечь пустоты и не горька.
Мы никого уже не судим строго,
не изрекаем истин свысока.

И самые на свете дорогие,
которым боль мы принесли одну,
не верят, что наступят дни такие —
смягчающие душу и вину...

Дожди, дожди, как хлопоты старух,
пальто на рукаве, мол, разорвалось,
иголка, нитка, отдохнуть бы малость,
весь день без ног, перевести бы дух...

Дожди, дожди, молчать неумогу,
а криков все равно никто не слышит,
затем и шепот им положен слыше —
дожди с тяжелым шепотом идут...

Я притворялся старым. Я не мог
быть молодым, меня все тяготило.
И, кажется, я выучил урок:
вдруг молодость взяла — и отступила.

И мне с недавних пор не по плечу
быть на виду, веселым быть, бездумным,
и хочется сказать, а я молчу
и завистью друзьям своим плачу,
и выкрикам, и выходкам их шумным.

Не плачу, нет. Не сожалею, нет.
И все-таки откуда это чувство
покинутости, это и без бед
меня вдруг посетившее искусство
быть стариком, и нужен ли ответ!

Зачем, зачем! На кончике пера
открыть планету можно, но не счастье —
ни молодость, ни старость не причастны...

Пируй, душа! К нам жизнь еще добра,
когда готова нам подать на бедность
на горькие вопросы — безответность...

Музыкой плеснуло из окна.
В переулке, где я жил когда-то,
набухает серая весна,
как шинель убитого солдата.

Прожил я неловкий этот год,
вымученно с другом распрощался.
Вымученной музыкой невзгод
я, быть может, слишком обольщался.

Что прошло, навеки отошло,
не навеки, что еще осталось.
Музыка проходит сквозь стекло.
Ненадолго первая усталость.

Музыка проходит сквозь меня.
Я ее почти не понимаю.
И иду, иду куда-то я
и чужую жизнь перенимаю.

И не принимаю за беду,
что иду по делу, как по следу,
что весь мир, быть может, обойду,
а сюда уже не перееду.

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ТОБОЛЬСКА ВОКЗАЛ НА
ЭТОЙ СЕВЕРНОЙ МАГИСТРАЛИ — СИМВОЛ
ПРОГРЕССА, ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ БУДУЩЕГО
СИБИРИ.

Тобольск — древний город на трассе Всесоюзной ударной комсомольской стройки Тюмень — Нижневартовск. В Тобольске, если верить Даниэлю Дефо, бывал еще знаменитый путешественник Робинзон Крузо: он добирался самым путем через Тобольск к Ледовитому океану. Современные робинзоны попадают в Тобольск поездом. С каждым днем их приезжает все больше — идет широкое освоение природных богатств Западной Сибири. Белокаменным вокзалом встречает город приезжего. В печати уже сообщалось, что Тюменский обком комсомола и редколлегия журнала «Юность» выдвинули авторов и строителей Тобольского вокзала на соискание премии Ленинского комсомола 1975 года.

Наш корреспондент встретился с Героем Социалистического Труда, секретарем Правления Союза писателей СССР главным редактором журнала «Юность» писателем Борисом ПОЛЕВЫМ и взял у него интервью.

Экспедиция «Смена»

НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Борис ПОЛЕВОЙ

БЕЛОКАМЕННЫЕ ВОРОТА

— Сибирь покоряет все большее число сердец: едут и едут новоселы, главным образом молодежь. Писатели также все чаще отправляются в творческие командировки за Уральский хребет. В чем тут секрет?

— Может быть, сказка, которую я слышал от старого охотника-манси, подарившего мне сибирскую лайку, даст ответ на вопрос. Вот слушайте.

Ходил бог по земле с большим мешком и распределял богатства: тут уголь, там золото, руды железные — в это место, а нефть — сюда. Устал бог и заснул. Было это как раз в тюменских краях. А из мешка высыпалось все, что осталось. Проснулся всевышний и за голову схватился: что к это он наделал? Такие богатства сыпал в одно место! Чтобы исправить дело, прикрыл он сокровища непроходимыми лесами, непролазными толями, неуютной тундрой...

Наивная сказочка, но она имеет реальную основу. Бог с ним, с богом, а вот то, что те далекие края не имеют себе равных по запасам нефти и газа — это несомненно, это установлено сегодняшней наукой.

Сейчас в этом суровом, но богатейшем крае строится Северо-Сибирская магистраль, которой, по-моему, суждено сыграть в жизни нашей страны не меньшую роль, чем в прошлом веке сыграла Транссибирская железная дорога. Строятся новые города, а главное, вместе с дорогой строятся человеческие судьбы. Понятен поэтому повышенный писательский интерес к этим местам: здесь мы знакомимся с будущими героями наших книг.

— Борис Николаевич, сколько раз вы бывали в Тобольске! Ваши впечатления от этого города!

— В самом городе я был всего лишь трижды. Однако полюбил Тобольск, как говорится, с первого взгляда. Город этот имеет богатейшую историю, он был северной казачьей столицей. В нескольких километрах от места, где теперь стоит Тобольск, погиб Ермак Тимофеевич. Город дал миру немало великих людей, в том числе создателя периодической таблицы элементов Д. И. Менделеева. Здесь родился и написал своего замечательного «Конька-Горбунка» П. П. Ершов. Улицы и дома Тобольска помнят декабристов, народолюбцев, а впоследствии и большевиков, отправляемых царскими правительствами в ссылку.

К чести тоболяков, они сохранили этот прекрасный русский город с древним кремлем, с историческими сооружениями времен чуть ли не Ермака. Сегодняшние покорители Сибири проявили большой такт: стремясь сохранить неповторимое лицо города, они расположили нефтехимический комплекс, порт и вокзал в стороне от заповедной части города.

Архитектор Владимир Авксентюк и художник Герман Черемушкин, авторы Тобольского вокзала, на мой взгляд, характерные фигуры девятой, думается, и десятой пятилеток. Когда люди стремятся, развивая экономику, сохранить и сберечь природу, когда люди думают не только о целесообразности, но и о красоте, сохранении традиций, не только о завтрашнем, но о вчерашнем и позавчерашнем дне — это, как мне кажется, и есть сегодняшний взгляд на жизнь. Для жителей Тобольска вокзал на великой северной магистрали — символ прогресса, олицетворение будущего Сибири. И, надо сказать, белокаменное сооружение в полной мере отвечает этим соображениям. Берусь судить об этом, потому что я объехал не один десяток стран, сотни городов и у нас и за рубежом, видел замечательный Вашинг-

тонский вокзал и Централ-вокзал в Нью-Йорке. Могу засвидетельствовать: Тобольский вокзал — один из самых своеобразных и ярких среди тех, что мне довелось видеть. Он красив сам по себе, великолепно гармонирует с рекой, лесом, использует традиции старинного русского и национального северного зодчества. При всем том, как говорили мне специалисты, это чрезвычайно грамотное с точки зрения технической целесообразности сооружение.

Авторы делились со мной наметками будущих станций на трассе Севсисба. И вот, если судить по действующему вокзалу в Тобольске по проектам новых железнодорожных станций, можно назвать характерные черты проектантов. Это люди, думающие рационально, смело и дальновидно. Я бы даже определил это качество как дальноройность архитектурного прицела.

— Борис Николаевич, сибиряк всегда нам представляется человеком могучим, сильным телом и духом. Однако рождение новых поселков и городов, гигантский размах строительства в Западной и Восточной Сибири вызвали огромный приток людей из европейской части страны. Так что, по-видимому, сибиряка «в чистом виде» теперь не встретишь!

— За годы моей дружбы со строителями дороги Тюмень — Нижневартовск я пригляделся к сибиряку нынешней формации. Бесспорно, отличий немало, если брать за образец тот тип человека этого удивительного и сурового края, который создали писатели Сибири, начиная с Мамина-Сибиряка, а затем утвердили книги нашего времени, кино и телевидение. Это могучий бородач, косая сажень в плечах, выходящий с ножом на медведя. Это мужчины и женщины, выскакивающие из парной на сорокаградусный мороз, чтобы вывалиться в снег.

Все это в значительной мере справедливо: суровый край воспитывает физически крепкого человека с твердым характером.

Однако сегодняшнее грандиозное строительство в Сибири, в частности, железная дорога, с создателями которой журнал «Юность» дружит вот уже шесть лет, тем и отражает наше время, что работают здесь не только коренные сибиряки, но парни и девушки Москвы и Кишинева, Тбилиси и Минска. Туда, в Сибирь, в край, где зимой поют острые метели, а летом звенят комары, молодежь 70-х годов, покинув свое благоустроенное жилье в обжитых городах, едет пробовать свои силы в творческой созидательной работе. На золотом промысле поток уносит все случайное, легкое, оставляя крупинцы настоящего золота. Так и тут, на стройках. Те, кто выдерживает пробу, те, кто остается, — им цены нет. Один такой парень, одна девушка стоят десятых — так говорил мне один из стрейших строителей страны, построивший в своей жизни тысячи километров дорог, начальник управления «Тюменьстройпуть» Дмитрий Иванович Коротчаев.

Люди в сегодняшней Сибири, как говорится, растут удивительно быстро. Недаром на ответственных постах строительства дорог Тюмень — Нижневартовск, Байкало-Амурской магистрали немало людей комсомольского возраста. Вот таких сегодняшних сибиряк, который строит величайшие магистрали мира и, строя их, строит себя — гражданина, достойного нашей великой эпохи.

Интервью провел Марк ГРИГОРЬЕВ

Фото Александра КАЗАРНОВА и Николая НЕСТЕРОВИЧА

Уезжала я в смятении. Нет-нет, все оказалось, в общем, так, как выдвинулось до командировки, но вот в последний миг, на вокзале под кружным, пушистым, медленно падающим снегом вдруг одолели сомнения, и уж поезд тронулся, а в ушах все звучал голос одного из провожатых: «Слушайте, а вам не кажется, что всю эту историю безбожно раздули? В конце концов, ну, оступился человек. Так с кем не бывает? Кто в конце концов живет без помарок?»

Конечно, если бы Ангелина Петровна могла себе заранее представить все последствия того злополучного урока в десятом «А», может быть, она придумала бы тогда что-нибудь другое.

Да, недаром ушлые директора школ считают: нет хуже, чем оказаться на виду — все равно с какого краю. Если школа хуже всех, ее без конца проверяют, если лучше всех — без конца показывают. Так вот школу, где работает Ангелина Петровна, показывают. Кто бы ни приехал в город, так сказать, «по учебной части», ведут именно туда, и чаще всего как раз к Ангелине Петровне: она сильный историк. Из года в год преподает обществоведение во всех десятых. Словом, сладкое время славы. Потому-то неожиданно свалившуюся на голову комиссию по военно-патриотическому воспитанию тоже направили к ней на уроки. По чистому недоразумению или по привычке, что ли.

Тот покривит душой, кто скажет, что ему вполне безразлично, как он выгладит в глазах людей посторонних, даже тех, кого и увидеть-то больше никогда не суждено. Когда-то давно попала я в одну школу, где проводился городской семинар директоров. Вообще говоря, демонстрировали им достоинства кабинетной системы — новинки по тем временам, но когда семинар подходил уже к концу и усталый директор дослушивал последние комплименты коллег, вдруг поднял руку один из них, начинающий, видно, и невинно так спросил: «Скажите, а где вы краску достаете, которая за одну ночь сохнет?»

Сколько их, всяких таких «маленьких хитростей», пускают в ход директора и не только, наверное, школьные, желая вернуться к гостям лучшей стороной. Но если бы обходилось одной краской, срочно натираемым паркетом и чистыми воротничками!

Комиссия была в тот день Ангелине Петровне совсем не к стати. Тема урока трудная, философская. Да если б еще пошел в сильный десятый «Г», где был к тому же подготовлен на эту тему, ну, доклад не доклад, но, в общем, хороший, полноценный ответ! Но комиссия, представленная, правда, одним ее членом, собиралась в десятый «А», в котором показать решительно нечего.

Перед уроком взволнованная Ангелина Петровна прибежала в класс, подозвала нескольких ребят покрепче, спросила, готовы ли они отвечать «при комиссии». Желающих не оказалось: читальный зал был накануне закрыт, и вообще, как объяснили мне потом ребята, кому это надо — вылезать, да еще в присутствии чужого дяди.

За несколько минут до звонка в классе «А» появился Толя из класса «Г». После короткого фронтального опроса учительница открыла журнал.

— На этот вопрос нам ответит...
Толя вышел к доске. Он несколько не волновался. Пятерка уже стояла против его фамилии в том журнале, где ей и следовало быть. Он с блеском повторил свой ответ, позднее именованный докладом.

— Пришлось только, — объяснил он мне, — немножко сократиться.

Вот, собственно, и вся история. Урок был последний: полагалось расходиться по домам. Но расходиться почему-то не хотелось. Как сказали мне ребята, мутно было на душе. Надо было эту мусть развеять. Но где? В кабинете завуча, исполнявшей тогда обязанности директора? Она сама была на уроке и все видела. В комитете комсомола? Заместитель секретаря в этом же классе учился. Лучшее всего было бы, конечно, объясниться с самой Ангелиной Петровной. Так вот, попросту прийти к ней после уроков, расположиться кружком, заглянуть в глаза. Вдруг бы она рассмеялась, сказала бы: «Ребята, да что за чепуха! Ну, действительно, я забыла объявить, что Толя делает доклад, кстати, давно запланированный. Ведь в конце-то концов я его учу так же, как и вас. Ну, конечно, надо все товарищу из комиссии тоже сказать, чтобы ни у него, ни у нас с вами никаких сомнений».

Да, если бы такой разговор мог состояться! Если бы... Но это было невозможно, немисливо. Между тем десятому «А» требовалось выговориться.

Время от времени в каждой школе возникает центр притяжения старшеклассников. Иногда это молоденькая пионервожатая, или медсестра, или

Воспитание чувств

ДИДЖИНА

Ирина ОВЧИННИКОВА

только что окончившая институт учительница, не так уж далеко ушедшая по возрасту и, значит, способная понять «все-все».

Вот таким центром и сделалась «врачиха», как называли ее в школе. В комнату, где благодаря ей нестрашно жужжала бормашина, куда забегали по делу и без дела обсудить все школьные новости и происшествия, и явился возбужденный десятый «А».

Здесь надо объяснить, кем была для ребят Ангелина Петровна. Она пришла к ним только в десятом классе, но слухом о ней и раньше земля полилась. В школе она слыла человеком особой строгости, требовательности, не терпящим компромиссов ни в чем, не прощающим малейшего обмана. Между собой ребята называли ее «фанатичкой», и в прозвище этом странно смешивались все оттенки отношения: ее уважали и побаивались. Маленькая, худенькая, с властно посаженной головой, она не ведала никаких проблем с дисциплиной, одним взглядом останавливала любую заварушку на перемне, не говоря уж об уроке.

И вдруг... Поначалу происшествие вызвало приступ злорадства. Хороша фанатичка: потемкинскую деревню устроила. Потом к этому чувству примешалось смутное ощущение разочарования: все-таки учительница представлялась им существом чуть ли не идеальным. А тут большое на их глазах стало маленьким, даже мелким, непохожее, возвышающееся над ними самими, как Монблан, уподобилось их собственным крошечным обманам, уверткам. Себе-то они их прощали, списывали на возраст, а вот ей...

Чем мы моложе, тем сильнее в нас тяга к совершенству. Мы ищем его в книгах, на театральных подмостках, на киноэкране, но больше и раньше всего среди тех, кто рядом, кто самым фактом своего существования, близкого, зримого, подтверждает достижимость безупречного человеческого поведения. «Очарованья ранние прекрасны, очарованья ранами опасны». Рана была совсем свежая. Ребятам было и больно и горько.

«Врачиха» между тем подошла к делу с неожиданной стороны.

— Неужели вы будете молчать? — удивилась она.

Они пожалы плечами: взрослый человек, а паньничает. Ну, конечно, не станут они себе жизнь портить из-за такой ерунды.

— Нет, вы как хотите, а я этого так не оставлю, в горком партии пойду, в газету, — заявила «врачиха».

Дальше события развивались быстро. Вечером того же дня в университете марксизма-ленинизма очередной семинар факультета журналистики, где занималась «врачиха», был посвящен моральной теме. Занятия вела журналистка из местной газеты. Ей-то и была поведена утренняя история с десятком «А».

В школе же и думать забыли про посещение комиссии, а может, и сразу не думали ни о чем, кроме того, что все сошло раскрепосным образом: уроку Ангелины Петровны дана была самая высокая оценка. В учительской вообще никаких разговоров не велось. А десятый «А» погемонил немного, да и унялся: мало ли других забот. Статья в городской газете прозвучала громом среди ясного неба.

Впрочем, насчет грома — это я не совсем точно выразилась. Ему бы следовало быть, грому: как мы теперь будем жить, как объясним случившееся ребятам. Но нет: Ангелине Петровне сочувствовали, автора статьи честили как могли, «врачиху» из школы немедленно убрали. Я читала и протокол заседания партийного бюро, на котором обсуждалась статья, и ответ, присланный в газету: учительница-де совершила малосущественную методическую ошибку, забыла объявить, что доклад делает ученик из другого класса, и не из чего было шум поднимать.

Но просто оказалось только со взрослыми. В классах Ангелину Петровну встречали настороженные глаза, с каждой парты кричал знакомый газетный заголовок. Нашелся даже один юноша, который встал при всем классе и сказал: «Я вас любил. И как же вы, именно вы, могли?»

Дерзкого оборвали на полуслове, напомнив только, что десятому «А» тоже предстоит сдавать экзамен по обществоведению, зубной-де врач за них этого не сделает, и больше тройки теперь вряд ли кто-нибудь получит.

А время шло, ребята жадно хватили каждый следующий номер газеты, ожидая: вот-вот все станет на свои места, то ли газета признает свою ошибку, то ли будет сказано, что все в статье правильно и учительница понесла наказание. Но ни того, ни другого не было, и потому волнение никак не могло улететь.

Поразительно, однако никто не считал нужным собрать ребят, рассказать им, что на самом деле горком партии признал позицию газеты правильной, применительно к поступку учительницы было найдено суровое, но точное слово — «приписка», что о ее поступке шла речь на открытом партийном собрании. Было, в общем, что семнадцатилетним людям сказать. Нет, не рассказали, не вытащили занозу.

Я спросила у десятого «А»:

— Как же так получилось, что никто не удивился ни появлению на уроке постороннего ученика, ни его ответу? Ведь в каком-нибудь пятом классе немедленно бы сорок рук поднялось: не ищите, Ангелина Петровна, этого мальчика в списке, он в другом классе учится.

— Знаете, — ответила мне хорошенькая, чистенькая девушка с первой парты, — в пятом, конечно, можно позволить себе говорить все, что думаешь, а нам еще характеристики приличные получить надо.

Она говорила без тени смущения, не усматривая в своих словах ничего зазорного. А подтекст был такой: мол, вы и спрашиваете-то для порядка, а сами знаете правила игры и поступаете, наверное, точно так же, когда придется. Все остальные помакивали, но видно было, что тот урок «обществоведения» усвоили на «отлично».

На что же рассчитывал взрослый человек, преподавший им этот урок? Может быть, на то, что они не дети уже, должны же понимать: жизнь есть жизнь. Никто не встревожился, что иные молодые люди теперь в каждом лице будут подозревать личину и сами попробуют в случае надобности (характеристика или еще что!) ее натягивать.

С кем ни говорила я о случившемся в школе, на всех лицах мгновенно проступало выражение усталости и скуки: надоело все это, и о чем вы только

хлопочете, зачем драматизируете события? И на созванном поспешно партийном собрании учителя откровенно томились, поглядывали на часы. Вынесли Ангелине Петровне выговор без занесения в учетную карточку (чуть ли не три месяца спустя!), и ясно было, что и она сама и товарищи ее понимают: делается это для корреспондента, чтобы отвязаться и считать дело закрытым. Стыдно было слушать и смотреть.

Не буду называть города, где произошла вся эта история. Все бури там давно отбушевали, улеглись. Тихо. Только пишет и пишет мне письма тот самый мальчик, который спросил: «Как вы могли?» Тогда, в командировке, сидя с ним рядом в гостиничном номере, я сказала ему, что все же он чересчур сгущает краски. «О нет, я разбавляю их, как могу», — упрямо сжав губы, ответил он.

Эти его слова долго звучали во мне. Мучили. И все-таки никак я не могла взяться за перо. Ну, как ей, учительнице, потом в класс ходить? И совсем уж я было собралась предать историю с Ангелиной Петровной забвению, когда вдруг легло на мой стол новое письмо.

Вначале я не могла даже сообразить, почему оно вызвало в памяти ту полузабытую историю, заставив перечитать старые блокноты. Потом связь проснилась.

Итак... «У нас счастливая порядочная семья, так говорят все. А я считаю, что у нас самая несчастливая семья. Отец — руководитель отдела на заводе. Мать работает там же чертежницей. Отец не пьет, не курит, но у него есть другая женщина, к которой он ходит много лет. У той женщины есть Аленка, ей уже скоро два годика. Моя мама знает, что отец любит ту женщину, но умоляет его жить в нашей семье ради нас с Димкой (ему семь лет).

Отец считает себя порядочным человеком. А я не понимаю: если та женщина плохая, то зачем ходить к ней, а если он ее любит, то зачем живет с нами?

Ну, почему мой отец такой нечестный, почему он обидел ту девочку, ведь она ему дочь? Чем она хуже меня или Димки? Почему моя мать, тоже женщина, обижает ту девочку?

Я согласна ходить в старом пальто, стоптанных башмаках, а не в шубе, купленной по знакомству, и не в сапогах, сшитых на заказ, только бы вернуть уважение к родителям. Мне стали чужими слова «папа» и «мама», я их стараюсь не говорить. Я не хочу жить с такими родителями. Вот закончу десять классов и уйду в общежитие, поступлю в какое-нибудь училище. Иногда вообще не хочется жить. А ведь я, наверное, смогла бы и понять и уважать своих родителей, если б отец по-честному ушел к той женщине. Тогда в нашем доме не надо было бы всем без конца хитрить, даже Димке, хотя он еще маленький.

А как же друзья отца встречаются с ним, уважают его? Неужели, правда, уважают или тоже притворяются?

Таня М., ученица 8-го класса, г. Свердловск.

Да, вот такое письмо. Школа ли, книги ли вырастили девочку такой бескомпромиссной, заложили столь твердую основу, что печальный жизненный опыт оказался бесснаен разрушить ее. Но как же трудно сохранять себя вопреки обстоятельствам! Как мучительно твердить: «Верю, правда есть», — если в обозримом пространстве ее, эту правду, втаптывают в грязь!

Что вынесут, с чем выйдут из юности в зрелую пору те мои десятиклассники, тот мальчик, не желавший простить любимой (подчеркну — любимой, это важно) учительнице грех слабодушия? И эта девочка, отвергающая ложь как форму существования? Я думала об этом, когда почта принесла еще одно письмо. Как говорится, с другой стороны. Потому что написала его немолодая уже учительница. «Как надоело слышать это постоянное: учитель должен, учитель обязан. Да что он, не человек, что ли, учитель?»

Человек. Каждый из нас, взрослых, поставленных над детьми, призван «дать вселенной образ человека». «Да мы истории не пишем» — вообще-то так о себе сказать можно только в порядке кокетства. Мы все ее пишем. А более всего те из нас, кто по долгу служебному или семейному управляет обязанности воспитателя. И нам нельзя писать с помарками. Потому что любая из этих помарок, самая, на наш взгляд, ничтожная, вполне извинительная, вынужденная обстоятельствами, немедленно возводится в степень, порождает такой нравственный чертополох, какой вряд ли кому-нибудь потом удастся вылопать.

**К 30-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ВЕНГРИИ
ОТ ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ**

В

далеком своем городке, скоро после войны, купил я книжечку в красном переплете. За книгами тогда стояли в очереди, стоял и я, мальчишка, поднявшись спозаранку в воскресенье, хотя отоспаться хотелось пуще всех сладостей. Очередь была смешной и разномасной. Высокий полковник с властным, тяжелым взглядом, старик с каким-то дореволюционным пенсне на ниточке, другим концом прикрепленным к уху, — на старике была рабочая спецовка, которая никак не совпадала со шляпой, и, более того, с черной шелковой лентой, опоясавшей тулью этой шляпы... Были там женщины неопределенных лет,

Альберт ЛИХАНОВ

Фото автора и

Евгения ХАЛДЕЯ

ВЕНГЕРСКИЙ ПЕЙЗАЖ ПОД АККОМПАНИМЕНТОМ ВЕЛИКОГО ПЕТЕФРИ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ СВОБОДЫ.

НАРОД ПРИВЕТСТВУЕТ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ.

аккуратные, подтянутые, в бараньих жарких варежках и суконных пальтишках, которые, казалось, просвечивали на ветру...

В девять магазинов открывался, и очередь, держась за локти впереди стоящего, передвигалась к прилавку, жадно заглядывая вперед: что продадут сегодня?.. Книг было немного — одна, две, праздник — когда пять, и очередь выгребала из карманов и кошельков смятые бумажки, чтобы поменять их на новые, пахнущие сладким типографским запахом книги...

В то утро продавали только одну книжку, и выбирать не приходилось. Она была в красном переплете, под переплетом хранились стихи.

С красной книжкой ушел угрюмый полковник, и тот старик, и женщины. Унес ее и я, признаться, разочарованный: стоило ли стоять на морозном ветру за стихами?

Дома, прижавшись спиной к горячей печке, я раскрыл книжицу и впервые прочитал это имя: Петефи.

*Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:
Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?
Богом венгров поклоняемся —
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!*

Война еще совсем свежа была; еще не все оставшиеся в живых пришли домой из армии; еще бегали мальчишки, мои товарищи, на вокзал, поджидая воинские эшелоны — а вдруг отец приедет; еще во многих школах наших были госпитали; еще живы были — не в памяти, а в сердцах наших — набатные, призывные слова песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» — и стихи Петефи, призыв этот — «Встань, мадьяр! Зовет отчизна!» — я прочел как наши стихи, как военный призыв не далекого прошлого, а едва минувшей войны...

*Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе.
Вольным предкам нет покою
Здесь, над рабскою землею.
Богом венгров поклоняемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!*

Трещали березовые поленья в печке, за окном напрягался ветер, сумерки вползали в окно фиолетовым, тягучим цветом... Это теперь я могу определить тогдашнее свое состояние, сказать, что стихи Петефи, их самоотверженность находили созвучие в максималистском мальчишечьем сердце, а тогда... тогда они меня просто пронзали, и кровь гулко стучала в висках, и к горлу от этих слов подкатывал комок...

*Низок, мерзок и ничтожен
Тот, кому сейчас дороже
Будет жизнь его дрянная,
Чем страна его родная!
Богом венгров поклоняемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!*

Имя Петефи и его стихи засели в памяти. Венгрия была мне неизвестна, но я уже любил ее.

С тех пор Венгрия и Петефи для меня понятия-синонимы. И, побывав дважды дома у поэта, я прихожу к этой мысли снова и снова... Более того, утверждаю: нет лучшего путеводителя по Венгрии, чем томик стихов Шандора Петефи.

Я смотрю за окно поезда или автомобиля и слышу Петефи...

Я читаю Петефи в своем Останкине и вижу лица своих венгерских друзей, слышу их голоса, чувствую любимую мною страну...

*Где умрем — там холм всхолмится,
Внуки будут там молиться,
Имена наши помянут.*

*И они святыми станут.
Богом венгров поклоняемся —
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!*

Конечно, стихи нельзя сопрягать с жизнью дословно, у подлинного поэта много прав, среди них гипербола, право на преувеличение, однако

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК ШИКЛОШ.
ПОЛДЕНЬ. ОБЫЧНАЯ УЛИЦА В ПРОВИНЦИИ.
ХАРКАНЬ. ДОМ ОТДЫХА СТРОИТЕЛЕЙ.
КОГДА НАСТУПАЕТ ЖАРА...

трудно быть хладнокровным, когда за окном машины плавно раскручиваются венгерские холмы. Нежно-зеленые от душистого разнотравья, покрытые лесами, таинственные, манящие и голые — то просто вспаханная земля, то словно кровь — красные каменные обнажения... «Где умрем, там холм всхолмится...»

Под Секешфехерваром, на холме, стоит танк. Наша «тридцатьчетверка». Холм тот был чуть в стороне от дороги, и склоны его, говорят, омывы нашей кровью. Тут шли смертельные бои, тут фашисты сжали в крепкий кулак отборные из оставшихся силы, здесь шло сражение, одно из самых жестоких в истории прошлой войны. Стонала и плакала венгерская земля, пропаханная фугасами, вспоротая железным ломом... И в час, когда стало совсем тяжело бойцам одного лишь участка ломаной линии фронта, и когда новая толпа фашистских танков пошла молотить траву, камни и людей, девятнадцатилетний русский мальчик, младший лейтенант Сережа Ермолаев, бросился со связкой гранат под лязгающие гусеницы стальной машины.

А было восьмое число, восьмое января. А шел сорок пятый. И до Победы оставалось всего четыре месяца и один день.

Еще одно. Сергей был русский. Понятно, когда под танки бросались герои-панфиловцы. Они защищали Родину. Они стояли у ворот Москвы.

Сергей был молод, действительно мальчишка. И он сражался на чужой земле. Он бы мог, наверное, имел, во всяком случае, право, сберечь свою жизнь, чувствуя близость Победы.

Но в том-то суть настоящей человечности, что в схватке с врагом герой не думает о себе. Он подчиняет свою жизнь цели более великой. Отступить для Сергея Ермолаева было невозможно, уступить врагу — хотя бы на время — немисливо. И не было для него чужой земли...

«Имена наши помнут, и они святыми станут...» Имя девятнадцатилетнего младшего лейтенанта знают в Венгрии все, оно стало святым, безусловно... «Где умрем — там холм всхолмится...» Танк на холме стоит в отдалении, и хотя слова Петефи всего лишь гипербола, преувеличение, смотришь на холм Сергея Ермолаева, сотрясаясь душой от этой картины: зеленая долина взбухает, дрожит, поднимается кверху, обретающая формы холма и поднимая вершиной своей к небу бездыханное тело безусого русского героя, ставшего венгром...

*Лишь война была мечтою
Лучшей в моей жизни,
Та война, где за свободу
Сердце кровью брызнет.*

*Есть одна святая в мире —
Лишь пред ней с любовью
Нам клинками рыть могилы,
Истекать нам кровью.*

*Имя той святой — свобода!
Все безумцы были
Те, кто слепо за другое
Жизни положили!..*

В Москве летел первый снег, таял на асфальте, вызывая озноб и дурное настроение, а в Венгрии поздняя осень, словно опытный реставратор, подновляла земные краски.

В ветвях голых кленов возле дорог застряли огромные листья — просвеченные солнцем, они напоминали кусочки витражей из древнего собора, земля же была сплошь усыпана ими...

Дальние холмы в сухой и ясный день окутались теплой дымкой... В садах курились костерки, и дым, не тронутый ветром, струился светлыми стебельками...

Прозвительно, освежая глаз, зеленели озимые, и по ним бродили фазаны, равнодушно поглядывавшие на машину — фазаны походили на дивные цветы: длиннохвостые, серебрившиеся оперением в контражурном солнечном освещении...

Деревня была немногочисленна, тиха и тепла, опять же, как этот поразительно тихий осенний день, и холмы, и мягкая дорога. Красные, черепичные крыши втягивали это природное тепло, и над деревней, мне казалось, нависло какое-то теплое облако, какая-то прозрачная полусфера, не позволявшая этому теплу расходиться в стороны, улетучиваться и сохранявшая запахи и звуки деревни в ней самой.

Прозвительно, до слюнок, пахнуло свежим деревенским хлебом, видно, поблизости была пекарня. Брехнула за забором собака, кто-то разговаривал в саду — и звуки эти — лай и разго-

вор на чужом наречии — были близки душе, вняты и пробуждали во мне ответное тепло...

Мы с приятелем оставили машину на краю маленькой деревенской площади и подошли к памятнику.

Обелиск был простой, светлый; с трогательной несправильностью, по-русски, на нем выделялись слова: «Слава стойким героям». По обеим сторонам от обелиска, сходясь к нему, как в строю, равнялись бетонные плиты с высеченными именами. Я обошел их, одну за другой, и записал всех, кто лежал на площади в венгерской деревушке Вереб.

«К-д Бушманов М. А., к-д Корчагин, гв. мл. ст. Леонтев, гв. к-д Соколов, гв. ст. Соаннов А. В., мл. ст. Буклеев, гв. к-д Павлюков Г. Д., гв. к-д Гусков, гв. майор Володин Иван Владимирович, гв. к-д Дембовский В. И., гв. к-д Дементев, гв. к-д Потемкин А. П., гв. к-д Назаров А. В., ст. Емельянов С. С., гв. л-т Касарев, гв. к-д Кудряшов С. С., гв. к-д Шильцов П. Н.»

Я списал все, как есть, без мягких знаков, с маленькими ошибками, которые допускает человек, не очень хорошо знающий русский...

У подножия обелиска лежали цветы, было по-прежнему тихо. Раздвинув занавеску, из окна ближнего дома на нас смотрела хозяйка, и рука у нее были закатаны, верно, готовила обед или мыла пол. Мы с товарищем постояли немного, потом вернулись к машине. Уже на выезде из деревни кто-то закрычал нам, потом появился мужчина, торопливо заговорил с моим спутником, и тот объяснил мне, что это председатель кооператива и он требует по праву хозяина зайти в один дом.

В дом, однако, мы зашли лишь на минуту, а затем спустились в подвал, где хозяин-старик принялся угощать нас своим вином. Вдоль подвала стояли огромные бочки, едва не из каждой старик приносил пробу — длинную стеклянную трубку с шаром на конце, которая наполнялась вином.

Вино было янтарное, потом рубиновое, и у этих двух основных цветов были свои цветные оттенки и переходы — вино в каждой бочке было особое.

Скрипящая дверь в подвал время от времени пела, пропуская нового гостя, видно, известие о машине из Будапешта и о том, что в подвалчике пьют вино, обходило тихую и теплую деревню так же тихо и тепло, и в подвалчик приходили тихие и вежливые крестьяне, пожимали мне руку одинаково грубыми, заветренными руками, снимали шляпы и фуражки и принимали от хозяина стаканчик янтарного или рубинового — в зависимости от вкуса и настроения.

Когда дверь перестала скрипеть, пропустив, видно, всех, кто смог, председатель поднял стаканчик красного и сказал, обращаясь ко мне, что он пьет это вино за русских, похороненных на площади. «За наших освободителей, они же освободили нашу деревню», — сказал он.

Когда мы прощались, старик хозяин вышел на улицу со стаканом в руке. На площади он подошел к плитам и плеснул понемножку каждому, кто лежал под ними...

Деревня Вереб стоит на склоне холма, и дорога от нее как бы катится под гору, в долину, и из долины еще далеко видеть было красные черепичные крыши и несколько человек на покато́й площади...

Машина шелестела шинами по гладкой дороге, за окном мелькал kaleidoscope осенних расцветок, и Петефи вновь возник откуда-то, протягивая руку, сохранившую тепло бетонных плит с деревенской площади...

*Есть одна святая в мире —
Лишь пред ней с любовью
Нам клинками рыть могилы,
Истекать нам кровью.*

Другое мое путешествие в Венгрию совершилось через год: друзья мои, переводчица советской литературы Пирожка Торок и муж ее, инженер Георгий Реден, пригласили в гости.

Это была удивительная поездка, мы много бродили по Будапешту, и любовь моя к этому чудному городу укрепилась благодаря стараниям друзей.

Мы особенно любили предвечерние прогулки. Солнце падало к земле, тени сгущались, дома, вобравшие в себя солнечный жар, отдавали тепло, словно печи, Дунай бронзовел от закатных красок, потом наступал сумрак, и в нем Будапешт виделся по-иному. Вспыхивали подсветки старинных зданий на будайском берегу, освещая древнюю крепость, собор. Крепость как бы повисла в пространстве между небом и дунайской водой. А мосты!.. Навек запомню цеп-

ной мост хотя бы только потому, что друг мой Георгий с детства верил в бабушкину сказку, будто мост этот на ночь уползает в стену высокого будайского берега...

Город этот прекрасен, слов нет, но путь наш лежал дальше, в область Варанья, центром которой является древний город Печ, а точнее, южнее еще, в местечко Харкань близ Шиклоша, где на целебных горячих источниках построен дом отдыха строителей. Там предстояло провести две недели.

Машина неслась по великолепной автостраде, и снова я думал о спутнике сердца Петефи...

*Степная даль в пшенице золотой,
Где жаркое колдует в летний зной
Игрою туманных, призрачных картин!
Вглядись в меня! Узнала? Я твой сын!..*

*О, где еще земля так хороша?
Здесь мать кормила грудью малыша.
И только на родимой стороне
Смеется, словно сыну, солнце мне.*

Это было дивное путешествие.

Неожиданно, без всякой подготовки, из-за какого-нибудь холма машина вдруг врывалась в пшеничные поля. Они стояли по обе стороны, такие же, как дома, налитые зерном, густые, ленивые. Тарахтел комбайн, пуская колечки дыма, а небо было белесо-голубым и душным.

Потом следовал очередной поворот, и мы оказались в долине, зажатой холмами, и на склонах их, расчерченных умелым геометром, зеленели пышные виноградники.

А потом машина раскручивалась влево, и мы оказывались в каком-то озерном царстве — в тишине и безлюдье мелькали водные зеркала с камышом по краям, и стаи уток срывались при виде автомобиля — не от страха, а скорее из привычки: Венгрия испокон охотничья страна, где браконьерство отсутствует давно и начисто.

Дунауйварош — город с колоссальным металлургическим комплексом, который возводился после войны при нашей помощи. Мимо города шла объездная магистраль, но мы решили проехать по улицам.

В одном месте дорога неожиданно круто вскидывалась вверх, а домик, стоявший рядом с подъездом, был в какой-то низине. Это была окраина города, домик своей черепичной крышей напоминал мне деревушку Вереб, но на этой крыше — все-таки в городе, все-таки в шумном месте, — рядом с дорогой и почти на ее уровне, не обращая внимания на поток машин, счастливый жизнью, стоял, задрал голову, в пушистом, обширном гнезде аист и стучал, стучал призывно клювом.

Все было, как нужно.

Аист постучал клювом, и скоро появилась аистиха. Они стояли в своем гнезде, в шумном городе, рядом с дорогой, стояли друг к другу лицом, так что шею их на фоне неба как бы переплелись.

Две сплетенные, изящные, белые шеи на фоне акварельно синего неба — таков для меня символ Дунауйвароша.

«О, где еще земля так хороша?» — шепнул он.

Верно, верно. Везде она хороша, где земля если и не дом родной, то дом друга, широко распахнувшего двери...

Земля хороша, это верно.

И горестно многовековое противоречие, когда прекрасную и по-своему счастливую землю созерцает и воспевают несчастливый ее обитатель.

Шандор Петефи ушел с прекрасной и несчастной своей земли в двадцать шесть лет. Он шел свою страну и свободу народа, живущего в этой стране.

Свобода пришла на землю Петефи спустя почти сто лет после него. Свобода и счастье были для великого Шандора словами-синонимами.

Как он мечтал о свободе, как хотел счастья! Нет, не зря жил человек, своей жизнью и своими словами завладевший к свободе.

Я прощаюсь с землей Петефи и, прощаясь, с грустью закрываю томик в красном переплете, проживший почти тридцать лет с того дня, когда мальчишкой я купил его в скудном послевоенном магазине.

Последние строчки ранят душу. Они о самом поэте.

О его судьбе.

*Знаешь, милый друг, Петефи,
Я несколько не боюсь,
Что тебе отдадут плечи
Счастья непосильный груз.*

ПУБЛИЦИСТИКА

Разговор

с открытым сердцем

Новая публицистическая книжка Валерия Ганичева («С открытым сердцем», 6-на «Огонек», 1974) — о духовных богатствах советского общества, щедро отдаваемых молодому поколению страны.

Безбрежна и огромна эта проблематика! А тут несолько статей... Однако автору удалось четко и акцентно вычлнить хотя в определенном смысле и локальные, но тем не менее крайне важные и животрепещущие темы.

Проследим «сюжет» этой книжки. Ее открывает литературный портрет М. А. Шолохова, — в мае его 70-летие. Затем — рассказ о первых шагах ныне широко популярного журнала «Молодая гвардия»: и 30-летию Победы, и размышления о величии всенародного подвига, повод и которым — выход краткой истории Великой Отечественной войны; поучительное для молодых интеллигентов исследование комсомольской книгоиздательской прантинги; а в заключение — раздумчивый монолог о различных аспектах отношения к культурному наследию...

...На крайне нелегкий труд неминуемо обрекает себя тот, кто пытается писать о Шолохове. Высокая это ответственность, значительно усугубленная еще и тем, что о выдающемся писателе и мыслителе современности создано немало книг и исследований, воспоминаний и просто информационно-познавательных публикаций.

В. Ганичеву счастливо удалось найти свой, пожалуй, едва ли не только ему принадлежащий ракурс видения жизни и творчества, общественной деятельности любимейшего писателя.

Шолохов и молодежь — вот то новое, что находим мы в книге. В основе таких новых фантов — личные наблюдения, результат непосредственного общения с классиком. Нельзя, к примеру, без волнения узнавать о многообразных связях М. Шолохова с молодежью многих городов и сел, с ЦК ВЛКСМ или комсомолом области, с подрастающей литературной сменой... Между прочим, писательская биография М. Шолохова началась с фельетона, опублико-

ванного «Юношеской правды» в 1923 году.

Бурное это было время в литературе. Свое заметное место в этом процессе становления советской культуры занял и первый «толстый» журнал комсомола — «Молодая гвардия», основанный в 1922 году. Богатая россыпь сведений и принципиальные оценки не только вошедших в историю заслуг журнала, но и его серьезных идейно-творческих ошибок первых лет делают живую и выющую по анализу статью В. Ганичева о нем очень поучительной для наших дней.

Необычна помещенная здесь рецензия на краткую историю Великой Отечественной войны. Это порожденные книгой, но отнюдь не замкнутые ее содержанием, — панорамные раздумья, впечатления, даже, если хотите, спор. Ее тональность — искренний и душевно-доверительный разговор с молодым читателем, а ее пафос — в утверждении величайшей ответственности за прошлое, настоящее и грядущее.

Далеко не только своими информационными возможностями подкупает книжка. В ней, в особенности в статье «Наследникам народной культуры», — творчески индивидуализированное, внешне спокойное, но страстное по сути отношение к волнующим автора явлениям. В ней его горячая, обоснованная практической наших дней поддержка тому, что программно вытекает из ленинского понятия культурной революции. И с позиций открытого сердца (не забудем о словах, вынесенных на обложку) оценки некоторым тенденциям в мире искусства. И его взгляд на понимание тех или иных острых проблем (вспомним хотя бы о поисках наиболее правильного в культуре соотношения традиций и новаторства, прошлого и настоящего, национального и интернационального...). Здесь же — участие в разговоре об ответственности за духовное развитие, за коммунистическое воспитание молодежи. ...Уверенно хочется рекомендовать этот сборник публицистики прежде всего молодежи, как, впрочем, и тем, кто связан с ее воспитанием и образованием.

Валентин ОСИПОВ

ПРОЗА

Пробуждение человечности

У каждой книги, какие бы пестрые по своей тематике и проблематике произведения ни были в ней представлены, есть свое «я», свой облик. И определяется он позицией автора, собственно авторским отношением к изображаемым лицам, предметам и событиям.

В новой книге Ирины Стрелковой, «Снег в мае»

(«Советский писатель», 1974), представлены десять рассказов и повесть. Сюжеты большинства из них, если попытаться пересказать их в нескольких словах, — обычные житейские истории. Вот, скажем, строил человек дом, из конки лез, старался, чтобы был у него свой особняк с террасой, ванной, летней беседкой. А когда построил, обнаружил вдруг, что не в крепких стенах и не в дефицитном барахле настоящее счастье («Такой хороший дом...»).

Некто Андреев, свободный трудящийся человек, «поженился» на молодой вдове с сыном, прожил с ней худо-бедно какое-то время. А когда надумал было уходить, выяснилось: лопухнул Валерка признал Андреева своим отцом, накрепко привязался сердцем к этому мрачному, нелюдному мужику («Тонкий муж»).

Старший лейтенант Николай Полушин и медсестра Нюра Стеблова полюбили друг друга, и в самом конце войны у них родилась дочь. Но Полушин об этом уже не знал, он ушел «в небо», погиб при выполнении боевого задания. Однако это была лишь красивая легенда, которую Нюра рассказывала впоследствии своей дочери. На самом же деле Полушин остался жив, вернулся с фронта к законной жене, и лишь после смерти Нюры ее подруга-журналистка решила отыскать Николая Степановича и рассказать ему все («До берега доплыть...»).

Вот наиболее типичные сюжетные коллизии новелл И. Стрелковой. Коллизии нехитрые, и предстают в них ничем не примечательные, обычные «средние» люди. Именно средние и по возрасту, и по служебному положению, и по своим нравственным качествам. Но таковыми они остаются лишь до определенного момента, откуда не наступит у них кризисное состояние, пока не начнут они осознавать, что жить-то надо было совсем не так. И. Стрелкова везде сохраняет по отношению к своим героям абсолютный «нейтралитет»: не разоблачает и не судит их. Писательница лишь «подкарауливает» героев в такой момент, когда сами они начинают вершить над собой суд праведный и суровый. При этом мера наказания в ходе такого самосуда устанавливается в зависимости от тяжести прошлых прегрешений и проступков. Одно дело, допустим, Андреев, вся «вина» которого состоит лишь в том, что он пробудил в чужом мальчишке сыновья чувства. И, очевидно, не столь уж трудно будет Андрееву сделать свой выбор — распрощаться с пресловутой холостяцкой свободой и стать настоящим отцом... Гораздо сложнее положение Николая Степановича Полушина. Его вина неизмеримо больше. Этот человек действительно ушел «в небо», перестал существовать как личность, потому что забыл о «другом берегу», о том, что где-то еще есть два близких ему существа. И очень много потребовалось «внешних раздражителей», вплоть до несчастного случая с сыном Виктором, пока не задал Николай Степанович вопрос, которого так ждала от него Нюрина подруга, пока не вырвалось у него это самое-самое человеческое: «Что с ней?»

На этом повествование, собственно, и кончается. Потому что главное уже произошло: в человеке пробудилось человеческое, и теперь он «доплывет до берега...».

Книга И. Стрелковой и есть напоминание о том, как важно каждому из нас всегда видеть свой «берег», иметь перед собой тот нравственный ориентир, который дает возможность и обязывает человека быть самим собой.

В этом — главный ее пафос. В этом — гуманистическая позиция ее автора.

Владимир ШАПОШНИКОВ

ПОЭЗИЯ

Напевность

Лучшие стихи новосибирского поэта Александра Кухно будто наговорены-напеты живым голосом нашего современника. Их не читаешь — слушаешь. И будто наяву знакомишься с очень искренним человеком, отзывчивым, до глубины души переживающим все хорошее и плохое, что происходит в мире... Маленькая книжечка стихов «Зимусика», которую выпустило Западно-Сибирское книжное издательство (1974 г.), пронизана от начала до конца благодарным лирическим волнением. Это волнение от чуда красоты, открывающегося в природе, от сознания причастности к истории своего народа.

... А. Кухно смотрит на все пристрастно. Говоря о вещах простых, изначальных, он стремится увлечь за собой читателя-слушателя. Ему хочется, чтобы в мире не осталось ни одного «тихого робота», он выступает с открытым забралом против мещанских типов «с плечиками из ваты» и «проржавленным сердцем». Это очень комсомольские стихи, написанные человеком с юной душой, человеком увлеченным и увлекающимся, активным, неравнодушным, человеком-гражданином:

Играть — позорно! — в чет
иль нечет.
Ухмылку пряча, —
Когда весь мир очеловечить
Стоит задача!..

— заявляет он.

Александр Кухно в лучших своих вещах стремится не к тому, чтобы поразить читателя внешним блеском, формальным изыском. Он мучительно пытается проникнуть в глубину, в суть вещей:

Мой костерок все тает,
тает,
Не в силах запалить строку.
Никто не скажет, что мешает
Вдруг разгореться костерку.
Так поначалу было просто:
Одну деталь, один штришок
Заметь — и вспыхнет,
как береста,
Строкою схваченный
стишок...

Настоящий, чистый огонь поэзии освещает многие лирические стихотворения Александра Кухно. Уходя от перепевов, уже слышанных, хотя и безусловно прекрасных мотивов (вроде «это вечный для поэтов риск — зарываться в милые колени...»), поэт, как истый сибиряк, ищет и находит неслучные, точные, емкие слова и образы:

Ах, какие у нас метели
Нынче выпали в январь —
Белы лебеди налетели,
Белы лебеди на дворе...

Или вот из стихов, посвященных комсомольцам, вступающим на пост № 1 у монумента Славы в Новосибирске:

Возле Вечного огня
Комсомольский пост.
Слушай, парень, как звенят

Тридцать тысяч звезд.
Тридцать тысяч имен
Врезаны в бетон.
Вместо шестеста знамен —
Звездный перезвон...

Стихи А. Кухно трудно приписать к какому-то определенному веждовству, скажем, к пейзажной лирике или к гражданской, хотя при составлении сборника вроде бы была предпринята попытка как-то сгруппировать их. И в «Тянь-Шаньской тетради», и в стихах о Полярной звезде, и в прекрасной, так и просиявшей на музыку «Рене Молчания», очень энергично, резкими мазками набросанной балладе «Вещи!» (она кажется началом будущей весьма интересной полемической поэмы-раздумья «о времени и о себе») — везде явно проглядывает сквозное описание окружающего мира сама личность поэта — нашего современника.

Символическая идея книги Александра Кухно выражена в стихах поэта, посвященных «нашей русской заботе», — так он называет необходимость «непрестанно хлопотать» о том, «чтобы всем по совести жилось»...

Владислав ХОРХОРДИН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тайны живописи словом

Внимательный читатель всемирно известного романа Сервантеса без труда установит, что автор почти не сообщает внешних примет Дон-Кихота — он крайне скуп на подробности, когда речь идет о наружности прославленного рыцаря. Но вот что поразительно: на всех старых рисунках и скульптурах, на всех экранах и подмостках, во всех книжных иллюстрациях от Пикассо до Кукрыниксов доблестный гидальго сохраняет сходные черты — долговязый, худой, с бородой клином и редкими висающими усами. И всегда сохраняется главный трагикомический контраст — немощное тело охвачено огнем воодушевления. Выходит, не внешние приметы, а внутренние свойства диктуют всем художникам мира облик «рыцаря печального образа».

Я привел здесь только одну мысль, одну догадку из тех, которыми буквально переполнена книга Бориса Галанова «Живопись словом» («Советский писатель», 1974 г.). В годы, когда многие писатели, и молодые в особенности, жадно тянутся к тайнам высокого профес-

сионального литературного мастерства, эта книга представляет собой произведение, редностью по своей полезности. Ее автор не побоялся написать, не литературоведческое исследование и не серию критических эссе. Нет, он восторженный почитатель всего, что есть прекрасного в литературе и искусстве, с искренним восхищением и нескрываемым изумлением, увлеченно и восторженно рассказывает о живописном могуществе слова в руках настоящих, больших мастеров. В первом разделе книги рассказывается о том, как истинные мастера литературы создают портреты своих героев, второй раздел о том, как они пишут пейзажи, интерьер, вещь — материальное окружение живущих и действующих в их произведениях лиц.

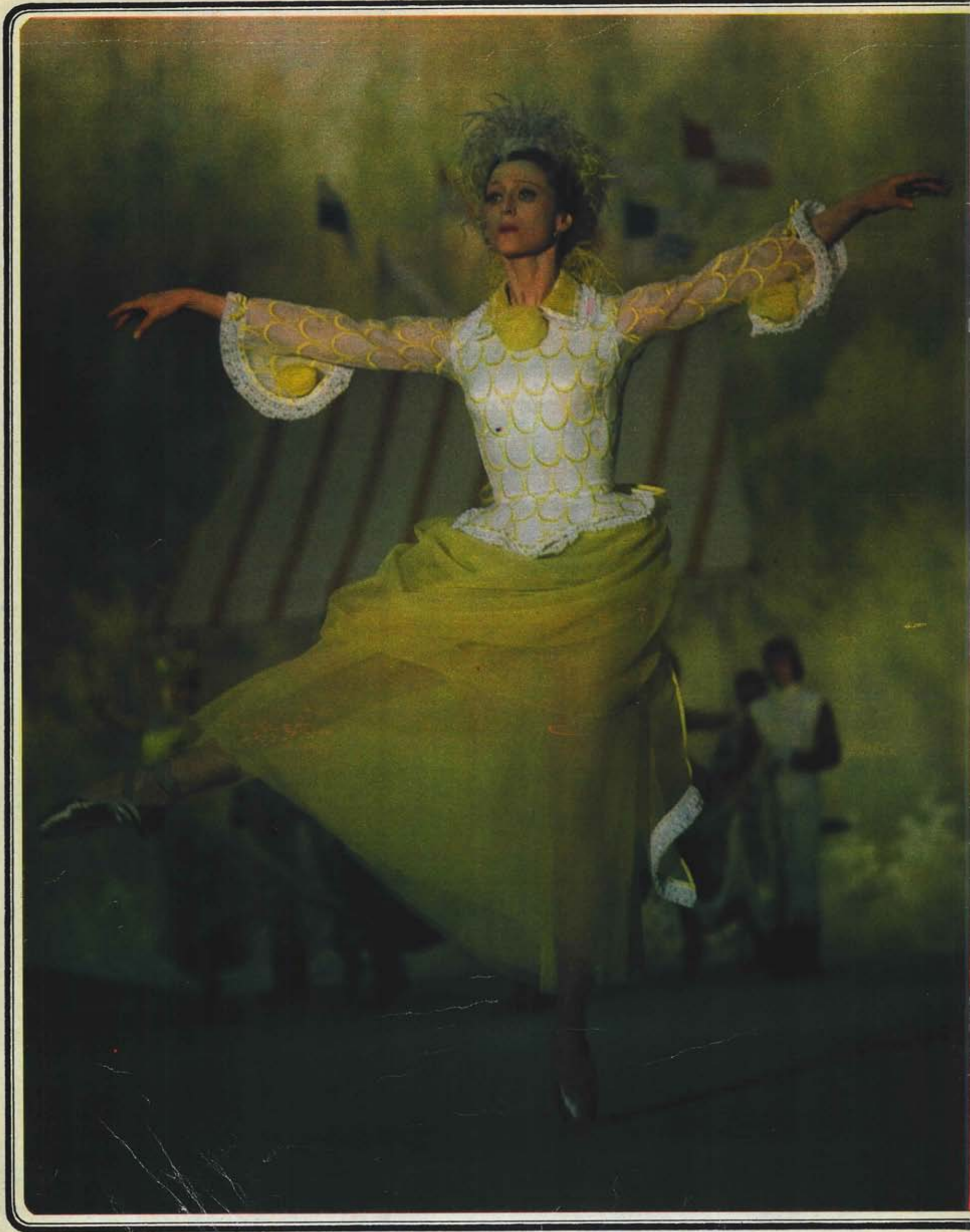
Вероятно, если бы заметки Галанова были построены по всем канонам научной периодизации, они сразу бы обрели вид и стиль педантической лекции. Портрет у древних, портрет во времена классицизма и т. д. К счастью, Б. Галанов ставит лектором категорически отказавшись. Он живой и наблюдательный, очень эрудированный собеседник, и все, что он увидел и узнал сам, многое из того, что заметили и открыли его коллеги литературоведы по волнующему его вопросу, он, благодарно на них ссылаясь, рассказывает нам, читателям...

Громадный фактический материал, привлеченный автором, не подавляет и не делает повествование монотонным — наоборот, в каждом случае подчеркнуто: так же, как неповторимы портреты, неповторимы и пути их создания и краски, которые для этого нужны. Гомеровские боги живы чертами человеческими: они и злы, и лукавы, и плутоваты, а герои романтиков и поэмы оглушены яростным противоборством чувств. О самом важном и самом существующем в искусстве портрета многих школ всех главнейших направлений мировой литературы живо и непринужденно рассказал Б. Галанов. Не менее содержательны и другие примеры, показано, как в подлинном художественных произведениях оживают пейзажи, вещи, дома.

Никогда и ничему не может научить скуна. Живое, образное повествование в книге Б. Галанова, безусловно, донесет до каждого молодого литератора и любителя литературы не только смысл содеянного мастерами, но и то, какие пути привели их к открытиям и свершениям.

Отлично оформил книжку художник М. Аникст. Дюреровский портрет Эразма Роттердамского, напечатанный в начале книги, он разделил на равные квадраты, и каждый из этих квадратов открывает новую главу. «Вниманье к детали!» — как бы требует художник в книге, посвященной самым сокровенным тайнам творчества.

Василий СУХАРЕВИЧ

МИР БАЛЕРИНЫ

— Что такое начало?.. Первые проявления индивидуальности? Дебюты!

— Утро каждого дня. Начало каждого спектакля и его окончание, после которого все начинается снова — в твоём сознании... Появление нового замысла. Начало (и завершение) его реализации.

Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Майя Михайловна Плисецкая 400 раз танцевала «Лебединое озеро». И 400 раз ее охватывало волнение перед выходом на сцену в облике заколдованной прекрасной королевы лебедей Одетты. И 400 раз за 8 тактов до выхода в облике коварного двойника Одетты — Одиллии Плисецкая начинала испытывать самые неприятные ощущения. Это признание сделано балериной несколько лет назад. А ведь тогда и много раньше она была уже всемирно известной танцовщицей...

Утро каждого дня. Тренировочный класс: станок и середина; станок и середина; станок и середина — всю жизнь одно и то же, необходимое, неизбежное, тяжкое... К концу занятий толстое полотенце намокает от пота. Ежедневно нечто новое — сегодня лучше получается одно, завтра другое. А надо, чтобы все всегда получалось одинаково хорошо. Но этого не бывает никогда.

Время, отпущенное балерине для совершенствования в танце, ограничено природой больше, чем в любой другой сфере искусства.

Взгляды балерины, как и вся ее художественная индивидуальность, формируются на протяжении всей творческой жизни. Так когда же она начинается? Этот вопрос предполагает и другие. Например: когда состоялся дебют Майи Плисецкой — в каком балете и в какой партии? Каковы ее лучшие роли? Сколько партий исполнила балерина? Сколько пар балетных туфель расходует Плисецкая за сезон?

Но начнем все по порядку...

Ее первое публичное выступление состоялось в... два года восемь месяцев. Было так: дома ждали гостей. Когда раздался звонок и открыли дверь, девочка выскользнула из квартиры и убежала на Сретенский бульвар. Спихавшись, что ребенка нет, мать бросилась искать дочь.

— Тогда по Москве еще водили иногда ученых медведей, и, увидев на бульваре толпу, я решила, что Майя загляделась на мишку. Я никак не могла пробиться сквозь толпу. А из репродуктора лился вальс из балета «Коппелия». Я с трудом протиснулась вперед и остолбенела. В центре круга с упоением танцевала моя Майя. Я схватила ее на руки, а она заплакала. Люди решили, что я хочу унести чужого ребенка. А моя актриса вырывалась, чтобы продолжать... Так вспоминала о «дебюте» прославленной балерины ее мать — знаменитая киноактриса 20-х годов Ра Мессерер. Она говорила, что и характер Майи начал проявляться уже тогда:

— Однажды дочь вернулась домой продрогшей. «Где твоя кофточка?» «Мы играли во дворе. Там была девочка. Ей понравилась моя кофточка. И я ей отдала»...

Спустя много лет в одном из интервью Майя Плисецкая скажет: «Доброта кажется мне обязательным свойством человека. Причем не показная, а органичная — такая, которую творящий добро не замечает.

НАЧАЛО

Говорит народная артистка СССР

Майя ПЛИСЕЦКАЯ

Комментирует наш обозреватель

Анна ИЛУПИНА

Добрый человек не идентичен и даже противоположен добренькому: сентиментальное прекраснодушие, которое иногда отождествляют с добротой, мне не нравится столь же категорично, как и жадность»...

Тогда же, в октябре 1968 года, Плисецкая сказала, что не выносит «поклонников», которые имеют обыкновение «приставать» к талантам. Но еще задолго до того, как ее собственный талант обнаружился, она терпеть не могла приставания и «отшивала» бесцеремонных резким прямотушем.

Четырехлетняя девочка так отвечала на вопросы незнакомой тети: «Как тебя зовут?» «Маргарита!» «Куда же ты едешь на трамвае?» «В Африку!» «Зачем?» «Крокодилов удить!» И теть отстала...

Но вернемся к дебютам. На сцене она впервые выступила в шесть лет. На Шпицбергене, где ее отец Михаил Плисецкий был советским консулом. Уже в те годы ярко проявилось одно из ее отличительных качеств — бесстрашие. Ей ничего не стоило скатиться на лыжах с самой крутой горки. Ее не пугала пурга. Однажды она убежала погулять и застряла в сугробе. Кто-то увидел в снегу мех шубки, вытащил почти замерзшую девочку. Она быстро пришла в себя: ей надо было готовиться к спектаклю.

«Русалку» ставили любители. Ставили с большим тщанием, благоговейным отношением к Пушкину. В сцене Маленькой русалочки девочка произносила несколько фраз звонким голоском. И когда она сказала: «А что такое деньги, я не знаю», — все зааплодировали.

— Быть может, тогда и родилась любовь к успеху?

— Ханжа тот, кто отрицает в актере жажду успеха. А кроме того, аплодисменты дают балерине возможность перевести дыхание, что бесконечно важно, — говорит взрослая Плисецкая.

И наверняка тогда, на далеком Шпицбергене, в восприимчивую душу девочки запала ни с чем не сравнимая любовь к Пушкину. Пройдет более 30 лет, и, отвечая на стандартный вопрос «Каких художников вы предпочитаете?», Майя Плисецкая восхищенно воскликнет: «Пушкина! Мне бесконечно дорога его личность, близок его характер... Смерть Пушкина — рана, которая не затягивается. Мне кажется, что его убили вчера... Я часто ловлю себя на мысли: как жаль, что Пушкин не видит великих и гуманных проявлений человеческого духа в наше время!»

...С выступления в пушкинском спектакле началась карьера драматической актрисы Майи Плисецкой. Ее внешние данные, пластичность и голос, который впоследствии обрел «виолончельную» глубину, не раз привлекали режиссеров драмы. Заканчивая балетную школу в 17 лет, она едва не соблазнилась предложением главного режиссера театра имени Евгения Вахтангова Рубена Симонова, который приглашал ее в труппу театра. Сравнительно недавно руководитель Театра сатиры Валентин Плучек предложил ей сыграть главную роль во французской комедии «Ангелочек». Начались репетиции. Но Плисецкая отказалась от этой работы, ибо она слишком много времени отнимала у балета.

В творческой жизни Майи Плисецкой важную роль играет кино. Отснято 16 фильмов — документальных и

художественных (в том числе «Анна Каренина», где она исполнила роль Бетси) — с ее участием. Дебют Майи Михайловны в кино состоялся в комсомольском фильме «Юность мира», посвященном молодежному фестивалю (Плисецкая танцевала «Лебедь» Сен-Санса).

Сейчас на «Мосфильме» закончилась экранизация балета «Анна Каренина». В этом спектакле Большого театра балерина не только исполнила главную роль. Она снова дебютировала, на этот раз как балетмейстер, в первом воплощении романа Толстого на хореографической сцене...

ЛЕБЕДЬ И ДРУГИЕ

Впервые «Лебедь» был исполнен Майей в предвыпускном классе хореографического училища. Сен-Санс предшествовал Чайковскому. Дебют на сцене ГАБТа в «Лебедином озере» состоялся не в центральной партии. Она танцевала одного из трех лебедей второй картины. Потом выступала в па-де-труа. Потом было еще восемь партий: от феи Виолант и феи Сирени в «Спящей красавице» Чайковского до феи Осени в «Золушке» Прокофьева... Только на пятый сезон работы в Большом Майя станцевала Одетту — Одилию.

И этот дебют стал ярким событием в мире танца. Пожалуй, только премьера «Кармен-сюиты» может сравниться с ним по своей значимости. А между этими балетами — целая жизнь выдающейся танцовщицы нашего времени.

— Были ли неудачи?

— И немало, — отвечает Плисецкая на мой вопрос. — Например, партия Заремы в «Бахчисарайском фонтане», балете с очень бедной хореографией.

Пыльная, мстительная Зарема и нежная, хрупкая Мария — антиподы. Для меня — любительницы крайностей — эти пушкинские характеры необычайно привлекательны. Но в балете они не нашли танцевального раскрытия. Следующая неудача — Девушка-птица в «Шурале» — сказке, немного напоминающей «Лебединое озеро». Затем Маша в «Щелкунчике»: эта героиня не мой тип. Ее детскость не для меня. И вообще, если что-то в балете не находит отзвука в моей душе, то танец у меня не получится.

Майя не кокетничает. Она всегда говорит правду о себе. И тем не менее трудно поверить, что у нее что-то может не получиться.

Еще в младших классах училища Майя Плисецкая обратила на себя внимание. Запомнился ее Китайчонок в миниатюре Леонида Якобсона «Конференция по разоружению». В финале номера Китайчонок от страха забирался под стул — зал хохотал и аплодировал без устали. В 13 лет, исполняя вариации из старинного классического балета «Пахита», Майя поразила всех прыжком: высокой, со «шпагатом» в воздухе, он выглядел неожиданной, сенсационной новинкой. В «польском акте» оперы Глинки «Иван Сусанин» она солировала в Вальсе, и каждое ее движение было струщимся, переливающимся, редкостно музыкальным...

В театре, помимо широко известных ее достижений в классическом репертуаре, необходимо назвать великолепно сделанную главную партию в балете Вахтанга Чабукяни на музыку Крейна «Лауренсия» (по «Овечьему источнику» Лопе де Вега). Далее: Эгина в «Спартаке» Игоря Моисеева и Фригия в «Спартаке» Леонида Якобсона. Снова антиподы. Снова крайности: римская куртизанка и мужественная подруга вождя народного восстания. Разная пластика, разное эмоциональное наполнение

танца, противоположные характеры. И только сила таланта одинакова.

Совсем новый образ — в миниатюре на музыку Прелюдии ми-бемоль минор Баха. Балетмейстеры Наталья Касаткина и Владимир Василев создали этот танец специально для Майи Плисецкой. Она предстала в нем романтически возвышенной, утонченной, освещенной строгим и ясным светом глубокого, мудрого размышления...

К числу лучших созданий балерины относится и все, что связано в нашей хореографии с Востоком. В ней живет тайна вечного очарования сказок Шехерезады. К сожалению, она еще не обратилась к одноименному балету: время Плисецкой расплано по дням и минутам. Но взгляды балерины (и слух ее) постоянно обращены к лучшим балетам прошлого, настоящего, будущего. Поэтому вовсе не исключено, что мы увидим ее интерпретацию «1001 ночи»...

А пока мы обращаемся к благодарной памяти, которая сохранила нам «Восток Плисецкой»: непревзойденную Персидку в «Хованшине», Волшебную деву из сцены соблазнов «Руслана и Людмилы», Жар-птицу из одноименного балета Фокина — Стравинского...

А В ПЕРСПЕКТИВЕ — НАЧАЛО...

Настало время ответить и на другие вопросы, которые мы задали в самом начале. Балерина Майя Плисецкая исполнила 35 партий. Учитывая ограниченность репертуара, данная цифра намного превосходит «показатели» других балерин. В каждом сезоне Плисецкой необходимо в среднем 320 пар балетных туфель.

— Но статистика и искусство — слишком дальние родственники...

— Пожалуй. Поэтому, Майя Михайловна, завершим нашу беседу вопросами, на мой взгляд, значительно более важными. В чем главное назначение балета?

— Не только балета, а искусства вообще: давать людям радость, приобщая их к прекрасному; возбуждать и воспитывать чувства высокие, благородные; будить мысль; утверждать на земле гармонию и человечность.

— А что вы больше всего цените в каждом человеке?

— Правдивость. Чувство собственного достоинства. Такт и воспитанность. Веселый, легкий нрав. Умение улыбаться, даже когда тяжело, умение заботиться о настроении окружающих.

— Что в перспективе? Можем ли мы ждать от вас сюрпризов, подобных партиям Кармен и Анны Карениной, которые для многих открыли новую Плисецкую?

— Вы имеете в виду то, что я «внезапно» стала балетмейстером?

— И это тоже.

— Что ж, потребность сочинить что-то для себя — «начать новую жизнь» — возникла уже давно. И если появился балет по Толстому, то почему бы мне не сделать балет по Чехову (мечтаю о «Чайке»), или, что еще парадоксальней, по Гоголю! Его необычайное чувство юмора «пополам с сарказмом» может породить балеты, никогда не виданные на хореографических подмостках. «Ревизор», «Нос», «Колыхание» — какие новые, неограниченные возможности для исполнителей! А если учесть, что я никогда не танцевала в комедийных спектаклях, то можно понять, как мне хочется попробовать свои силы в новой сфере. Таким образом, в перспективе — снова НАЧАЛО...

ПОВЕСТИ О МОЕМ ДРУГЕ

Петр АНДРЕЕВ

Шестнадцатого сентября 1939 года почтальон вручил Сергею и мне повестки, предписывавшие явиться в райвоенкомат. Через четыре дня роту, в которой Сергей стал политруком, а я по нашей общей просьбе пулеметчиком в его танке, подняли на заре по тревоге. Начался Освободительный поход Красной Армии — танкисты, артиллеристы, пехотинцы, кавалеристы, связисты спешили на запад, на вызволение братьев — белорусов и украинцев. Едва наш головной танк перешел границу, навстречу нам ринулась толпа плачущих, смеющихся, приветствующих людей. Мы заметили, как из толпы по-юношески проворно вырвался старик и бросился к нашему танку, прижимая что-то к груди. Вначале мы не поняли, что несет этот седой человек с сабельным шрамом через всю щеку. Пригляделись внимательно — какая-то тряпица, выцветшая, потерявшая краски. И лишь несколько мгновений спустя поняли, что в руках у человека со шрамом — снятый с древка советский государственный флаг с серпом и молотом в верхнем левом углу.

— Вот, уберег до прихода наших... — услышали мы.

Двадцать лет в панской Польше, где каждый день, каждый час ему грозили тюрьма, каторга, смертная казнь, берег он, хранил флаг, снятый им с сельского Совета в горьком 1920-м... Оно уже почти потеряло цвет — драгоценное это полотнище.

И сейчас, осторожно расправив флаг, подошел старый крестьянин к Сергею — политруку Красной Армии. Сергей не знал, как поступают в таких случаях, как следует принимать такие бесценные символы человеческого мужества и гражданской верности — в военных уставах об этом ничего не написано. Но флаг, двадцать лет хранимый, можно было считать боевым знаменем. И, согласно уставу, Сергей преклонил колени перед флагом и прикоснулся губами к ткани...

Так приходила на исконно белорусские земли Советская власть. Командирам приносили плакаты, газеты, печати сельсоветов — их двадцать с лишним лет берегли люди «до часа», до освобождения в городах и селах Барановичей, Гродненщины, Брестщины.

Конечно же, огромную роль, подобно нашей незабвенной учительнице Александре Афанасьевне, в жизни Сергея (да и в моей, естественно) сыграл командир нашей танковой бригады Семен Моисеевич Кривошеин.

Участник гражданской войны, доброволец в Испании, герой Халхин-Гола, он был нам как отец — строгий, требовательный, любящий. Я еще расскажу о Семене Моисеевиче — жизнь сводила Сергея и меня с этим отважным военачальником в самые тяжелые дни июля сорок первого...

А пока двигались мы по дорогам белорусских земель и дивились тому, как Кривошеин успевал видеть все, всюду присутствовать, не зная покоя: когда тебе доверены жизни тысяч, забота о себе уходит на второй план. (Этому ценнейшему человеческому качеству Сергея Антонова во многом научил генерал Кривошеин.)

...Наши танковые части шли по Западной Белоруссии, к реке Муховец, к Бресту, встречая

слабое сопротивление. Только на второй день, когда мы подходили к Барановичам, неожиданно выскочили из рожи польские уланы с саблями и пиками наперевес. Развернувшись, как на параде, они картинно помчались к нашим танкам.

— Не стрелять! — приказал генерал Кривошеин. — Ни в коем случае не стрелять!.. Они не виноваты...

Передний всадник в нарядном офицерском кивере, с погонами хорунжего, лихо подскочил к головному танку и с размаху, точно на учении, сильным ударом, с оттягом, рубанул по броне. Сталь лязгнула о сталь, и в руках рубачки остался лишь темляк.

Стало быть, это не выдумка, поняли тогда мы, что паны убедили солдат, будто у «москалей» танки из фанеры.

Не эта ли заслонившая все, даже здравый смысл, ненависть хозяев панской Польши ко всему советскому заставила военного министра Бека произнести циничные слова: «С немцами мы потеряем свободу, а с русскими — душу». (И начнутся Глейвице, позор и унижение оккупации, Освенцим, варшавские руины.)

...Но все это случится позже, много позже. А пока на площади у брестского костела маршируют батальоны немецкого генерала Гудериана. Он передает белорусский город советским командирам.

Это сентябрь 1939 года — генерал Гудериан тогда улыбался, отдавая честь Кривошеину. Через полтора года, в июне 41-го, тоже улыбаясь, он будет рассматривать в бинокль Брестскую цитадель, на которую уже обрушились первые фашистские бомбы.

Помню более поздний разговор с одним польским офицером, сдавшимся в плен.

— Вы не помогли нам, — сказал он тихо, с болью, — если бы вы захотели нам помочь, мы бы не были раздавлены Гитлером.

— Если кто и поможет Польше восстать из пепла, то это мы, — ответил тогда Сергей.

И я потом уже подивился тому чувству ответственности и уверенности, которое было заложено в моем друге всем смыслом и всей правдой нашей жизни.

Спустя много лет я познакомился с документами, которые лишний раз подтвердили правоту 27-летнего политрука Антонова. Еще в тридцать девятом году, за несколько недель до нападения Гитлера на Польшу, наша страна делала все возможное, чтобы организовать совместное противостояние Гитлеру.

Приведу документы, которые подтверждают правоту слов моего друга (вера в правоту и честность нашего дела, ощущение неразделенности понятий «мы», то есть «народ», и «я», то есть «коммунист Сергей Антонов», высокое чувство ответственности за любой шаг Родины — это отличало моего друга на протяжении всей его жизни).

Документы эти стали известны миру много лет спустя после нашего Освободительного похода, когда мы сохранили многие тысячи жизней белорусам, украинцам, полякам и евреям, взяв их под защиту от гитлеровцев, но читателю, особенно молодому, стоит познакомиться с ними повнимательнее. Речь идет о переговорах, которые Советский Союз вел в августе 1939 года с Францией и Англией о совместном противостоянии Гитлеру и, таким образом, о спасении Польши.

№ 415. ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННЫХ МИССИЙ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

14 августа 1939 г.

Председательствует Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите заседание военных миссий Франции, Англии и Советского Союза объявить открытым. Я вчера задал генералу Думенику следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Польшу или Румынию?

Ген. Думеник. Мы считаем, что их дело — защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят.

Маршал К. Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думеник. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К. Е. Ворошилов. Предполагают ли генеральные штабы Англии и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу? Предполагают ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию?

Ген. Думеник. Я думаю, что Польша и Румыния будут вас, г-н маршал, умолять прийти им на помощь.

Маршал К. Е. Ворошилов. А может быть, не будут.

Адм. Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить...

Маршал К. Е. Ворошилов. Прошу заслушать заявление советской миссии:

«Советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами. Наоборот, именно исходя из этого бесспорного положения, советская военная миссия и просила английскую и французскую военные миссии ответить на вопрос: будут ли пропущены советские вооруженные силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Англии и Франции или против Польши и Румынии?

Этот вопрос тем более законен, что Франция с Польшей состоит в политическом и военном союзе, а Англия имеет пакт взаимопомощи и военный договор с Польшей...

«Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал.

«Советская военная миссия просит ускорить получение от правительств Англии и Франции ответа на поставленные вопросы...»

«Однако вразумительного ответа на эти столь ясные вопросы советская военная миссия так и не дождалась...»

...Те два года мира, что мы получили, заключив пакт о ненападении с Германией, когда бывшие англо-французские лидеры отказались от серьезного совместного удара по агрессору, дали нам возможность более интенсивно готовиться к борьбе против Гитлера, а то, что такая схватка неминуема, было ясно всем нам, особенно военным.

Жизнь разлучила меня в эти годы с Сергеем: он служил в Бресте, я — в Минске.

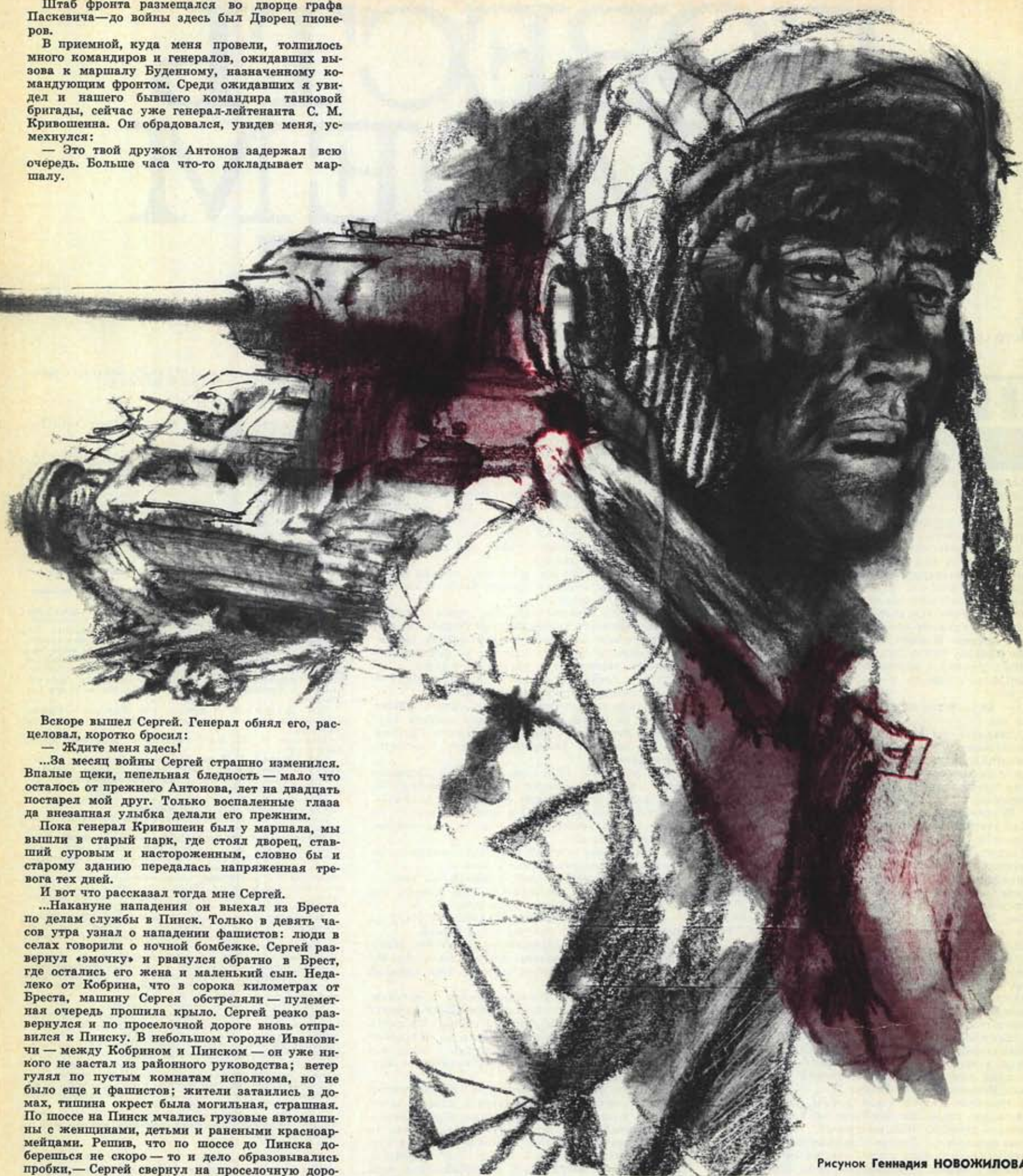
Встретились мы вновь уже в июле сорок первого, в дни страшные, в дни горького отступления, когда многое нам пришлось переоценивать заново. Встреча наша была случайной.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

Штаб фронта размещался во дворце графа Паскевича—до войны здесь был Дворец пинеров.

В приемной, куда меня провели, толпилось много командиров и генералов, ожидавших вызова к маршалу Буденному, назначенному командующим фронтом. Среди ожидавших я увидел и нашего бывшего командира танковой бригады, сейчас уже генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина. Он обрадовался, увидев меня, усмехнулся:

— Это твой дружок Антонов задержал всю очередь. Больше часа что-то докладывает маршалу.

Вскоре вышел Сергей. Генерал обнял его, расцеловал, коротко бросил:

— Ждите меня здесь!

...За месяц войны Сергей страшно изменился. Впалые щеки, пепельная бледность — мало что осталось от прежнего Антонова, лет на двадцать постарел мой друг. Только воспаленные глаза да внезапная улыбка делали его прежним.

Пока генерал Кривошеин был у маршала, мы вышли в старый парк, где стоял дворец, ставший суровым и настороженным, словно бы и старому зданию передалась напряженная тревога тех дней.

И вот что рассказал тогда мне Сергей.

...Накануне нападения он выехал из Бреста по делам службы в Пинск. Только в девять часов утра узнал о нападении фашистов: люди в селах говорили о ночной бомбежке. Сергей развернул «эмочку» и рванулся обратно в Брест, где остались его жена и маленький сын. Недалеко от Кобрина, что в сорока километрах от Бреста, машину Сергея обстреляли — пулеметная очередь прошла крыло. Сергей резко развернулся и по проселочной дороге вновь отправился к Пинску. В небольшом городке Ивановичи — между Кобрином и Пинском — он уже никого не застал из районного руководства; ветер гулял по пустым комнатам исполкома, но не было еще и фашистов; жители затаились в домах, тишина окрест была могильная, страшная. По шоссе на Пинск мчались грузовые автомашины с женщинами, детьми и ранеными красноармейцами. Решив, что по шоссе до Пинска доберешься не скоро — то и дело образовывались пробки, — Сергей свернул на проселочную дорогу. Не доезжая до города километров десять, Сергей увидел, как на огромное колхозное поле из фашистского транспортного самолета выпал парашютный десант. Сергей укрыл машину в кустах, а сам с камнем в руках залег во ржи: пистолета у него не было, ведь он уехал, когда еще был мир, а было это всего семь часов назад.

Здоровенный немец в форме командира Красной Армии приземлился задом — чуть не на Сергея. Тот ударил парашютиста по голове булыгой — немец и не пикнул. Сергей обыскал

фашиста. Он нашел топографическую карту, удостоверение капитана немецкой армии, пистолет «Вальтер» с полной обоймой и кинжал, выполз из ржи и долго лежал, наблюдая: ни один немец не встал, все затаились в хлебах. Сергей добрался до своей спрятанной машины и понесся в Пинск. В военкомате, где было мало кадровых военных, но уже много вооруженных гражданских коммунистов, разгадали по обозначениям на карте замысел десанта: взорвать артиллерийские армейские склады вблизи Пинска. Вскоре на нескольких грузовиках добровольцы

во главе с военкомом и Сергеем окружили ржаное поле, подожгли его, и когда из огня и дыма начали выскакивать диверсанты, расстреляли их в упор. Но двух гитлеровцев Сергей приказал во что бы то ни стало взять живыми. Это удалось. С двумя «поджаренными языками», с кучей трофейного оружия и двумя мешками тола, без потерь они вернулись в Пинск.

Пленные показали, что еще при приземлении они, потеряв своего командира (его-то и пришиб камнем Сергей), решили дожидаться сумерек. Для того, чтобы легче было взорвать артилле-

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

рийские склады, их всех перед выброской переодели в советское обмундирование.

Таково было боевое крещение Сергея в первый же день войны. Затем по заданию партии, так же как и я, оставленный в тылу врага, он организовывал первые подпольные райкомы партии и налаживал связь с воинскими частями, попавшими в окружение. ЦК КП(б) Белоруссии с первого же часа войны начал огромную работу по мобилизации трудящихся республики на борьбу с врагом.

Утром 22 июня, через пять часов после варварских бомбардировок, ЦК принял такое постановление:

«22 июня 1941 года
1. Поручить членам бюро и секретарям ЦК КП(б) немедленно связаться и поддерживать непрерывную связь с областями и районами, в первую очередь с областями и районами полосы начавшихся военных действий. Передать указания ЦК КП(б):

о немедленной перестройке работы парторганизаций на военные рельсы; установлении связи с воинскими частями; введении угрожающего положения в городах и районах Белоруссии, организации боевой службы ПВО; поручить тов. Эйдинову добиться установления связи с Брестским и Белостокским обкомками. Обязать Минский обком и горком КП(б) (Кольшикина и Бударина) обеспечить по городу все мероприятия в связи с начавшейся войной и немедленно закончить оборудование всех подвальных помещений под бомбо- и газозащитой. Ввести круглосуточное дежурство секретарей ЦК КП(б)».

...Сергей метался по тылам врага, помогая претворять в жизнь указания партии; встречался с товарищами, оставленными в подполье, налаживал связи, участвовал в создании будущей огромной и грозной партизанской армии.

Затем по решению подпольного обкома он так же, как и я, перешел линию фронта для доклада ЦК КП(б) Белоруссии и прибыл в Гомель.

Добравшись до первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, Сергей рассказал ему все, что видел и слышал. Первый секретарь ЦК посчитал его рассказ заслуживающим внимания. Он знал Сергея лично — за две недели до начала войны вызывал его в Минск для беседы: хотел забрать Антонова на руководящую работу. П. К. Пономаренко созвонился с Буденным и направил к нему Антонова, чтобы тот рассказал маршалу о положении войск, попавших в окружение.

Я привожу рассказ Антонова о встрече с Буденным таким, каким запомнил.

...Из-за стола, протянув руку, шел к Сергею человек в маршальской полевой форме, с большими звездами на рукавах гимнастерки.

— Здравствуйте, — сказал Буденный, — добрый вечер, товарищ Антонов.

Да, это был он — тот самый хуторской «атаман иногородних», бедняцкий сын, полный георгиевский кавалер, легендарный красный казак, которого Ленин сравнивал с Гарибальди, — Семен Михайлович Буденный. И уж совершенно некстати вспомнилась Сергею давнишняя строка: «Буденный, наш братишка...»

Маршал просто, по-отцовски обнял Сергея за плечи, усадил на диван. Во всем его облике — даже в знаменитых, чуть еще тронутых тогда седой усак — было что-то непривычное, непохожее на тысячи портретов, на фотографии, на кадры кинохроники. Перед Сергеем на венском стуле сидел безмерно постаревший, осунувшийся человек.

— Расскажи, сынок, что видел, — попросил маршал.

В который уж раз за этот день Сергей повторил свой рассказ. Говорил он горячо, сбивчиво, волнуясь, ничего, решительно ничего не приукрашивая, не упрощая, не скрывая. И о том, как жестоки, безжалостны оккупанты, и о том, что люди, оказавшиеся по ту сторону линии фронта, не знают правды, сбиты с толку вражеской пропагандой. А она твердит, хвастает, что немец уже занял Москву, а Сталин и другие руководители бежали куда-то за Урал...

Маршал не проронил ни слова, не задал ни одного вопроса — только слушал, внимательно слушал Антонова, словно сверяя его наблюдения, его мысли с тем, к чему он пришел сам, о чем думал, не мог не думать здесь, в Гомеле, в штабе фронта.

Сергей закончив рассказ, чуть не закричал: — Где же наши армии, товарищ маршал?! Когда же погоним фашистов до Берлина?..

Буденный помолчал несколько мгновений, а затем заговорил, глухо и неторопливо. Он не отвечал прямо на вопрос Сергея, но то, о чем он говорил, и главное, как он говорил, ошеломило. Антонов ожидал всего, чего угодно, только не этого...

Тихо, казалось, с трудом подбирая слова, Бу-

денный объяснял, что враг неслышанно силен и ни в коем случае нельзя недооценивать его мощи.

— Он силен, немец, ох, как силен, — повторил Буденный. — А разговоры, что в Москве они, не просто брехня, сынок. Может, и до Москвы немец дойти, может...

Сергей с трудом взял себя в руки, до боли, до хруста сжал кулаки.

Как же Буденный может говорить о том, что немец дойдет до Москвы, если он, Сергей, воспитан в одном, непреодолимом убеждении: «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее»...

— Отдохни, сынок, пару дней. Спасибо тебе за все, что ты рассказал...

Буденный встал и, подойдя к Сергею, взъерошил ему волосы, в которых появились первые седые пряди.

Много лет спустя в фойе Георгиевского зала в Кремле, в перерыве между заседаниями Верховного Совета меня представили Семену Михайловичу Буденному.

Мы разговорились, сфотографировались на память...

— Ваше лицо мне знакомо, — сказал Буденный. — Где я вас встречал?..

Я напомнил маршалу, что был у него на приеме после того, как он беседовал с моим другом Сергеем Антоновым, молодым политруком, пришедшим из вражеского тыла.

Семен Михайлович улыбнулся:

— Значит, к сожалению, оказался я пророком — дошел немец до Москвы...

И вдруг задумался. Улыбка, спрятанная в седых уже усах, сошла с лица. И я отчетливо понял, что припомнилось маршалу — знойный страшный июль сорок первого, кабинет фронтового штаба в гомельском дворце князя Паскевича, ожесточение и трагизм первых военных дней.

— А что потом стало с вашим другом? — спросил маршал.

Я ответил, что отдохнуть Сергею не пришлось: генерал Кривошеин в ту же ночь забрал нас на передовую, в свой танковый корпус...

Еще один эпизод, врезавшийся в память: в кровопролитных боях множество красноармейцев были тяжело ранены. Наш врач Трускевич делал все, что мог, но медикаменты кончались, условий мало-мальски сносных не было: мы шли из боя в бой.

— Товарищ генерал, — предложил Сергей, — позвольте нам с Андреевым вывезти раненых в тыл.

— Ты что?! — нахмурился Кривошеин. — Ты понимаешь, что говоришь, политрук? Я должен буду отдать все танки для сопровождения раненых, а как сдерживать гитлеровцев здесь?

— Нам не нужны танки, товарищ генерал! Переоденемся в немецкую форму и проскочим! Раненых тоже обмундирuem, автомашины немецкие у нас есть...

Я, помню, тогда добавил:

— Клянемся бородой святого Ларивона, великомученика белорусского, пробьемся...

— Сколько немецких слов ты знаешь? — спросил Кривошеин.

— Достаточно, — ответил Сергей. — «Яволь», «гут», «швайн».

Кривошеин долго смеялся — лицо, закопченное пороховым дымом, только зубы блестят, и в глазах — гордость за своих питомцев...

Через несколько часов мы выехали. Прошло еще часа два, и в лесу, навстречу колонне с ранеными — немецкие мотоциклисты. Они о чем-то спросили Сергея, одетого в мундир обер-лейтенанта.

Сергей наорал на мотоциклистов: «швайн, ферфлюхтише швайн» — и ударил одного из немцев офицерским стеклом. Те, сжавшись, словно собаки побитые, дали газу — «бешеный обер, черт его дерь, лучше от него подальше»...

А в одной маленькой белорусской деревне чуть не произошла трагедия. Вошедший в свою обер-лейтенантскую роль, Сергей стал просить еды для раненых, подражая немцам: «Мамка, яйки, курки, жифо!» Смотрим, собираются мужики и бабы с вилами и топорами.

— Бейте фашистских гадов! — закричал один из стариков и бросился к машинам.

Только когда все раненые — русские, украинцы, грузины, белорусы, казахи — начали кричать, что они свои, красноармейцы, переодетые в немецкую форму, убедились колхозники, поверили нам, потеплели лицами...

Вывезли мы раненых, «пропилив» по проселкам добрую сотню километров, но отдыхать в тылу не остались. Сергей сел рядом с шофером, глянул на меня и приказал:

— Срочно назад, мы нужны в корпусе...

Бои в те дни шли кровавые, не на жизнь, а на смерть. Я был с Сергеем в одном батальоне и мог, что называется, наблюдать каждый его шаг, каждое движение: и спали-то мы в одной палатке, укрывались одной шинелью. Впрочем, чаще спать приходилось в танке, если только приходилось: бои шли днем и ночью.

Однажды генерал Кривошеин вызвал добровольцев — отводить к линии нашей обороны подбитые танки. Дело это рискованное, смертельное: надо подползти под ураганным огнем фашистов к поврежденному танку, забраться внутрь, к своим, а это, пожалуй, самое сложное — танкисты никого не пускают, задрывают все люки: ведь и фашисты могут «напротасать» в гости. Потом надо прикрепить трос, протасать его в лоцинку, где затаялся танк-буксир, замаскированный, тихий, чтобы его не засек враг и не уничтожил артиллерийским огнем, и уж с наступлением темноты оттащить подбитую машину к своим.

— Разрешите, товарищ генерал, — как обычно, первым вызвался Антонов.

Сергей взял меня с собой. Я видел его в «работе» и поражаюсь расчетливому, яростному, я бы сказал, хладнокровию моего друга. Пули вздымались фонтанчиками вокруг нас, визгливо ухали то здесь, то там мимо, поднимали фонтаны сухой, горячей земли снаряды, а Сергей, сжав зубы, полз к подбитому танку, взбирался на броню, убеждал танкистов, что не фашист он, не переодетый предатель, а свой, политрук, коммунист, и был он в эти минуты, казавшиеся часами, живой мишенью для фашистов, но ни один мускул на его лице не дрогнул, ни тени страха не было, одно лишь желание выполнить свой долг.

В те сутки, я помню, мы оттащили к своим пять танков, а это очень много, пять танков, потому что гитлеровцы взяли нас в клещи, часть наша оказалась в гитлеровском тылу, и доружить нам приходилось каждой боевой машиной, без них нельзя было и думать о прорыве вражеского кольца.

...Зажигательно-термитный снаряд, попавший в «тридцатьчетверку» Антонова, пробил дополнительные топливные баки. Взрывная волна выбросила Сергея из машины и отшвырнула метров на пятнадцать — от скрипуче, огненно, обжигающе, страшно рвущегося боекомплекта.

...Все это Сергей осознал много позже. А пока лежал, потеряв сознание, во ржи, неподалеку от дороги. Немецкий унтер поглядел на мертвого русского в прогоревшем во многих местах, покрытом масляными пятнами комбинезоне, брезгливо прикрыв нос — остро несло горелым мясом и резиной. Увидев отброшенный взрывом пистолет, унтер нагнулся, поднял его и неторопливо пошел прочь.

Антонов очнулся, когда дорога опустела и грохот боя доносился уже издалека. Он открыл глаза, попробовал прихватить и снова рухнул от нестерпимой боли, застилавшей глаза.

Сергей медленно обшарил землю вокруг и убедился, что пистолета нигде нет. Потом появилась тревожная мысль о документах. Медленно, в несколько приемов, преодолевая боль, он подтянул руку к нагрудному карману и ощущал его. Партийный билет и командирское удостоверение были на месте, только по краям чуть обгорели.

Сергей перевалился на живот, отдышался и попробовал подтянуться на локтях. Локти саднили, боль по-прежнему жгла его, но он сделал усилие и передвинул ставшее вдруг невероятно тяжелым тело на несколько сантиметров.

Он двинулся...

Открытие это обрадовало его, он оперся на локти и сделал рывок вперед. Боль тотчас же хлестнула Антонова, и несколько минут он лежал без сознания. Он явно не рассчитал силы — еще один такой рывок, и он вновь потеряет сознание. А ему надо во что бы то ни стало, хотя бы вот так, перекатываясь, сантиметр за сантиметром, подползти к дороге...

Сколько времени он полз до обочины, Сергей не помнил. Он вынужден был отдыхать после каждого движения, прикусив спешившие губы, чувствуя соленый привкус крови. И все же он двинулся, полз, приближался к наезженному проселку.

Солнце уже заходило, когда он наконец дотащился до края поля, увидел следы гусениц и понял — дорога. Этот путь в пятнадцать метров он преодолел за несколько часов...

Порой ему чудилось гудение близких моторов, даже виделась силуэты знакомых «тридцатьчетверок», — то были видения вконец измученного, обессиленного человека.

Он терял сознание несколько раз, вновь открывая глаза и напряженно вглядываясь в мареву за придорожным лесом.

Очнулся он не от звука моторов, а от ровного гудения земли, от того, что дорога сотрясалась, ощущая мощную поступь многотонных стальных машин. По дороге — ошибки не могло быть — шли танки.

Свои или немецкие? Сергей понимал, что из предосторожности нужно хотя бы скатиться обратно в жнивье. Но у него на это не хватило сил.

Теперь можно было уже разглядеть силуэты приближающихся танков. Он замер, чувствуя, как холодеет: свои или враги? Боль внезапно отпустила его, и он ощутил свое тело, и растянулись в улыбке его обгоревшие губы, — он узнал своих.

Заставив себя приподняться на локтях, Сергей стал напряженно считать башни: одна, две, три, семь, десять.

Застонав от нового приступа боли, он вдруг поразился простой и очевидной мысли — это идут его ребята, кривошеинские танкисты, только вместо одиннадцати машин — десять. Ведь его танк сожгли...

Шатаясь, он встал сначала на колени, а потом на обожженные, потрескавшиеся ступни и, делая странные, замысловатые движения неслющающимися, чужими, негниющимися ногами, побрел навстречу танкам...

Он шел, как во сне, нелепо качая руками, еле волоча ноги. Гул моторов наверняка заглушил бы его отчаянный крик, но в этот момент он непроизвольно, скорее даже бессознательно, стал показывать жестами: «Остановитесь!»

Увидел ли его водитель головной машины, понял ли эти жесты «танковой азбуки» или просто остановился, увидев странное, окровавленное существо, бредущее навстречу, Сергей так никогда и не узнал. Последним, что он почувствовал, был жар раскаленной брони, надвигавшейся на него в скрежете и запахе перегоревшего масла.

...Он упал прямо на танк. Башенный стрелок, высунувшись из люка, узнал его. Сергея втащили внутрь: на нем не было живого места...

Никто из танкистов толком не знал, что полагается делать: его забинтовали поверх ожогов — туго-натуго.

...Очнулся он в госпитале, когда старик хирург склонился над ним. Улыбнулся, торжествуя посмотрел на коллег, столпившихся у стола, точно хотел продолжить спор с кем-то: «Жив, знай наших!»

— Как будем лечиться — больно и быстро или не так больно, но долго? — спросил Сергея. Еле шевеля сожженными губами, Сергей ответил:

— Как быстрее...

Старик сказал:

— Анестезии у нас нет. Под нож идешь! Имей в виду...

Затем вдруг заговорщицки подмигнул:

— Спирт пьешь?..

Сергей отрицательно покачал головой.

— Какой же ты, брат, мужик? — усмехнулся хирург и потребовал: — Спирт! Быстро...

Принесли граненый стакан спирта. Врач разжал губы Сергея. Зубы застучали о край, спирт проливался, жег горло и гортань. И почти тотчас же Сергей погрузился в забытие.

Хирург — то был знаменитый медик, профессор — отставил стакан с жидкостью, ставшей красно-бурой из-за крови, и решительно скомандовал:

— На стол!

— Сгорел наш Антонов!

— Да нет, отходит...

Сергей раздвинул руками веки, чтобы увидеть тех, кто пришел, кто стоит у его койки, и вдруг понял, что не видит никого и ничего.

Он даже не испытал страха и отчаяния: привык уже и к боли и к собственной беспомощности. Но то, что он слышал голоса людей, стоящих неподалеку, чувствовал холодную железную сетку кровати, ощущал беспомощное тело свое, но не видел, — поразило его своей несправедливостью.

— Сестра! — захлебнулся он в крике...

...Профессор накричал на него: «Паникер!» И старик оказался прав, — через три недели слепота прошла. Но тут на Сергея навалилась новая беда — в ней уже он не мог признаться никому.

Сергей не притрагивался к еде, к гостинцам, которые неведомо какими путями доставляли

ему товарищи-танкисты. Не радовали его и подарки родных белорусов — яблоки да вишни.

Никому не признался бы он, о чем думал в эти дни, прикованный к койке, о чем размышлял так мучительно, не умея отогнать неотвязные, доводящие до безумия мысли.

Три недели назад он с ужасом понял, что не видит. Теперь он не помнил.

Не помнил самых дорогих, самых близких имен — своей жены, сынишки, родившегося накануне войны. Сергей закрывал глаза, силился вспомнить лица Маришки, сына, вспоминал, придумывал им самые невероятные имена, мотал головой, но все было тщетно: он не помнил. Он забыл.

И сознание этого было страшнее всякой боли. ...Сначала его кормили жидкой пищей с ложечки или через поильник, затем он попробовал, поддерживаемый сестрой, приподняться с кровати, наконец сам разогнулся и, морщась от боли, сделал несколько гимнастических упражнений. Память постепенно возвращалась к нему. Потом он встал без посторонней помощи и сам дошел до двери, устав так, что следующие двое суток пролежал пластом.

В этой яростной борьбе за жизнь прошел месяц.

Хотя никто — ни профессор, ни врачи, ни сестры — ничего никому не говорили, госпиталь знал: их перебазируют на Урал. Фронт приближался с каждым днем. Начальник госпиталя и слышать не хотел о выписке — он сначала улыбался, затем уговаривал, наконец, просто выгнал Антонова из кабинета.

Через день Сергей попросил разрешения пообщаться с сестрой.

Он говорил убедительно и жалостливо — перед эвакуацией госпиталя разрешить на полчаса заглянуть к сестре, живущей, по его словам, в этом же городе. Ему выдали немудреное больничное обмундирование, назначили провожатого — пожилого санитаря.

У маленького домика Сергей увидел лавочку, присел. Достал пачку «Казбека», подарок генерала Кривошеина, угостил санитаря. Затянулся.

— Погоди чуток, — сказал Сергей, — я мигном. Зайду попрощаться — и обратно...

Эх, санитар-простота! Того не знал ты, что белорусскую хату можно пройти насквозь — войти с улицы, а выбраться незаметно — задами, огородами. А там ищи ветра в поле!

...Его задержал первый же пост в расположении своей части — без документов, в больничном белье. На счастье Сергея, он увидел знакомого офицера, спешившего к командиру корпуса.

Через несколько минут он уже стоял навзятку перед Кривошеиным.

— Сбежал?

— Сбежал, товарищ генерал...

— А я тебя — на две недели... В медсанбат! И чтоб оттуда не бегать! Кругом марш!

Когда Сергей Антонов вернулся в строй, его направили на юг, в район Ростова, где шли жесточайшие бои, а я остался в Белоруссии — мы тоже сдерживали немецкое наступление, сражаясь за каждую пядь земли.

...29 ноября 1941 года был освобожден город Ростов. После сражения у Ельни и великого противостояния под Москвой это был большой успех Красной Армии в сорок первом году.

Как ждала вся страна сообщений о тех первых победах! Как радостно было на душе у танкистов, ворвавшихся в город и затем без остатка, с малыми потерями, продвинувшихся на 60—70 километров в направлении Таганрога!

В поле у станции Матвеев Курган танковая бригада натолкнулась на сильный огонь противника. Приказано было окопаться, ждать подкреплений. При очередной попытке взять станцию Сергей выскочил из танка и поднял за собой батальон лехоты.

Танки ушли вперед. Сергей бежал, стараясь догнать своих. Вдруг его сильно ударило по ноге. Первой мыслью было — оторвало ногу. Второй — удивление: как же он бежит без ноги? Он продолжал двигаться, крича во весь голос, словно криком этим пытался остановить, преодолеть боль:

— Вперед! За Родину! За Сталина!

...Потом Сергею рассказывали, что его, упавшего, без сознания, увидел механик-водитель, развернул боевую машину и тихонько подкачал к нему. Сергея втащили в башню.

В медсанбате он кричал, ругался на чем свет стоит:

— Что же вы делаете! Не трогайте обувь! Не смейте!

Разгоряченному боем, ранением Сергеем казалось, что врачи нарочно портят роскошные сапоги с меховой подкладкой. Всего несколько дней назад в короткое затишье между боями прибыла в бригаду делегация из Казани, привезла подарки танкистам. Тогда-то Сергею и достались высокие кожаные сапоги, легкие и ладные в ходу, теплые, как унты, и непромокаемые. А врач в медсанбате зло и умело, не обращая внимания на крик молодого комиссара, разрезал сапог и вылил из него с литр крови. Нога сильно опухла, посинела, но пуля прошла навылет, по счастью, не задев кости...

А Сергей не унимался:

— Эх, такое добро испортили!

Нога сильно болела. Но, по правде говоря, в июле, под Могилевом, в горящем танке, было куда хуже...

Выписавшись из госпиталя, батальонный комиссар Сергей Антонов после вручения ему ордена Красного Знамени был отправлен в Москву за предписанием в Главное политическое управление РККА.

Кабинет начальника управления кадров помещался на первом этаже здания ПУРККА. Сергей подошел к небольшому зеркалу в комнате дежурного, оправил гимнастерку. Дышалось ему в Москве после ранений и всех его странствий по госпиталям и медсанбатам легко и даже празднично — сегодня он должен был получить назначение на фронт. К тому же в тесном общежитии Военно-политической академии на Садово-Триумфальной неведомо какими путями соседи его уже прознали, что возвращается он в действующую армию с повышением.

— Антонов? — хмуро, не подняв головы, не пригласив сесть, спросил хозяин кабинета — невысокий коренастый бригадный комиссар.

— Так точно.

— Доверяем большое дело... — все так же хмуро, с выражением невероятной, нечеловеческой усталости, безразлично сказал начальник управления и надолго замолчал, закрыв воспаленные от бессонницы глаза.

Сергей оглядел кабинет. В этой комнате все оставалось привычным, надежным, знакомым — и маленький письменный стол, и приставленный к нему стол подлиннее, и стулья, и портрет Сталина, и даже довоенная настольная лампа с вязью дубовых листьев и звездочками по зеленому, гофрированному шелку. И от того, что все было так обычно в этом кабинете, словно это и не зима сорок второго, и не погибли пуровские инспектора на фронте, и не попадали лекторы в самые что ни на есть сложные ситуации, а фронт совсем недавно был в двадцати минутах езды «эмкой» отсюда, — словом, от всей этой привычности и налаженности дела стало светлей у Сергея на душе.

Хмурый хозяин кабинета протянул ему предписание. «Офицерская почта» не ошиблась: в предписании указывалась новая должность Сергея — комиссар танковой бригады...

Танковая бригада... Только фронтовику-танкисту, наверное, понятны были чувства Сергея...

В Москве стоял стылый, продутый насквозь ветрами март. Сергей вышел из пуровского подъезда. Идти сразу в академию не хотелось, да и было в запасе несколько часов особенно ценного сейчас свободного времени.

В холодную эту и трудную пору оставался в Москве островок иного быта, иного уклада жизни, куда можно было зайти и, если верить понимающим людям, получить порцию «согревающего», — гостиница «Москва».

В ресторане было немного людей. Пожалуй, Сергей был единственным военным. В углу пытел трубой пожилой человек, забюк кутавшийся в клетчатый шарф. Заканчивала скромное застолье компания молодых женщин, ярко накрашенных, и мужчин с перстнями, но в подшитых валенках — гастрольная актерская бригада, только что вернувшаяся с фронта...

Официант предложил роскошный по тем временам ужин: несколько картофеля, селедку и — главное — стопку жидкости, весьма странного желтого цвета со стойким сивушным запахом.

Сергей выпил водку залпом. «Вот какой банкет получается, — невесело подумалось ему. — Не с кем даже радостью поделиться, не с кем чокнуться».

Сколько ни давал он себе клятв не думать о своих, о Маришке и о сыне, не удержался. Вспомнились весенний Брест, и нарядная толпа, и звуки вальса на площади, и маленький сын, усевшийся у него на плечах, глаза на празд-

ничную демонстрацию. Где сейчас его родные? Живы ли?

От этих мыслей стало Сергею не по себе. Он расплылся, встал из-за стола и направился к выходу. На огромной широкой лестнице его неожиданно окликнули:

— Антонов?..

Он обернулся. На площадке стоял человек в полувоенном костюме. Хотя костюм изменил облик, Сергей узнал первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, а с ним и секретаря ЦК Г. Б. Эйдинова. Того Эйдинова, которого Сергей помнил еще с 1926 года, когда привозил в Москву свою ватагу пионеров. В ту пору Григорий Борисович работал в Краснопресненском райкоме комсомола, и не раз до войны, и в войну, и после нее приходилось ему встречаться с этим умным, доброжелательным старым коммунистом.

Последний раз он видел Пономаренко и Эйдинова в июле, в штабе Буденного, а до этого в мае, в Минске, в большом, просторном кабинете в здании ЦК. Разговор тогда был неторопливый, обстоятельный, подробный, и, выходя из кабинета, Сергей уже знал: его зовут на большую работу. Когда все это было? Сколько же странного, даже невероятного стряслось с тех пор, с того неторопливого и долгого разговора за стаканом чая!

Может быть, и этот пожилой уже человек, большевик ленинской закалки, подумал о том же, глядя на молодого еще, но уже седого батальонного комиссара с двумя шпалами на петлицах?..

— Вы откуда, Антонов?

— Из госпиталя. На фронт. Предписание получил в ПУРе.

Первый секретарь ЦК внимательно посмотрел на Сергея, словно что-то неожиданно и твердо решив для себя.

— Где вы остановились?

— Где же нам, фронтовикам, останавливаться? Ночую в академии, на Триумфальной...

— Ну, будьте здоровы! — неожиданно быстро попрощался с ним Пономаренко.

Сергей решил не спускаться в метро, а пройти до академии по улице Горького пешком, не спеша. Он шел по московской улице, мысленно уже прощаясь со столицей и твердо, до мелочей зная весь уклад будущей своей жизни.

Едва он успел расстегнуть ворот гимнастерки и привлечь, по местной радиосети разнеслось:

— Батальонного комиссара Антонова срочно к дежурному по академии...

Ничего хорошего это не сулило. Сергей наскоро пожевал чаю: дернул же черт «обмывать»

предписание — и явился к дежурному. Тот на правах равного по званию накинулся на Сергея:

— Ты где пропадаешь?.. Тебя срочно к...

И он назвал фамилию того хмурого кадровика, который только-только вручил Антонову назначение.

Сергей встревожился:

— А в чем дело, не знаешь?

— Да не торчи здесь, тебя машина дожидается!

Машина из ПУРа — это кое-что значило...

...В приемной сидело несколько человек. Но дежурный адъютант, увидев Антонова, проводил его в кабинет, минуя очередь.

— Садитесь, товарищ Антонов! — неожиданно веселым голосом сказал бригадный комиссар, и Сергей отметил про себя, что назвал он его не по званию, не просто по фамилии, а так, как обычно обращаются друг к другу коммунисты, товарищи по работе.

— Курите? — Бригадный комиссар достал «Казбек», постучал папироской по коробке.

Сергей все еще до конца не понимал, зачем его вызвали.

— Спасибо. С удовольствием.

— Предписание у вас с собой? Дайте его...

Сергей протянул листок. Начальник управления взял его, неторопливо, чуть шевеля губами, прочитал и так же неторопливо, спокойно разорвал большую, с печатью бумагу.

Антонов рывком поднялся:

— В чем дело, товарищ бригадный комиссар? Что-то, наверное, ожесточенно-суровое было во взгляде, в лице фронтовика, вскочившего со стула.

Начальник управления поспешил объяснить, вглядываясь — словно впервые увидел — в шрамы на лице Антонова:

— Вас отзывают в распоряжение ЦК Компартии Белоруссии.

Они посмотрели друг на друга, и хотя никакие инструкции, никакие директивы не позволяли начальнику управления сказать ни слова больше, да о многом и ему не положено было знать, все же он протянул руку Сергею, тихо заметив:

— Ты скажешь сейчас, что хочешь на фронт. Я и сам подавал рапорт и получил от начальства головомойку, потому что люди всюду нужны... Здесь — тоже...

И еще, наверное, ему хотелось сказать этому молодому комиссару, так сумасшедше сверкнувшему глазами, когда рвал его ненужное теперь фронтовое предписание: «Дело тебе предстоит еще более трудное и тяжелое, чем танковые бои».

Но этого бригадный комиссар вовсе уже не мог позволить себе. Вместо этого он произнес только:

— Явитесь в комнату номер сто. Старая площадь. Ясно?

— Пропуск?

— Пропуск заказан.

Партийный штаб Белоруссии временно помещался в здании ЦК ВКП(б). Сергей нашел указанный в пропуске кабинет, постучался.

— Входите!

За столом в кабинете сидел первый секретарь ЦК КП(б) П. К. Пономаренко. С момента их короткого разговора в гостинице «Москва» прошло не более трех часов.

За эти три часа разом перевернулась жизнь Сергея.

Еще вчера утром он думал о танках, о новых товарищах, а сегодня в кратких и точных фразах секретаря ЦК обрисовал характер и масштабы будущей его деятельности:

— По всей Белоруссии, в лесах, по дальним хуторам, в полесских болотах и минских пущах, от Бреста до Витебска уже заполыхали первые партизанские костры. Обозначились масштабы небывалого фронта, всенародного Сопротивления. Оттуда, из фашистского тыла, идут в Москву донесения и первые радиogramмы: партизанам необходимы специалисты — подрывники и диверсанты, врачи и радисты.

Антонов слушал Пантелеймона Кондратьевича, подавшись вперед всем телом.

— Белорусы, белорусы, — делая ударение на последнем слоге, — говорил секретарь ЦК. — Нам нужны белорусы, понохавшие уже порох, знающие местность, надежные и сильные люди, проверенные в схватке с гитлеровцами.

А утром батальонный комиссар Антонов сидел у члена Военного Совета Московского военного округа генерала К. Ф. Телегина. На пустом месте, буквально, как говорится, «из ничего», надо срочно создавать базу для обучения тех, кто должен был отправиться в тыл к врагу. Не было и дня для раскачки, раздумий: единственное окно на Калининском фронте, где можно еще было выводить людей в тыл, вот-вот могло закрыться, захлопнуться...

...Операция числилась под кодовым обозначением — «Особый сбор». Именно в те дни мы вновь встретились с Сергеем: я был одним из многих белорусов, отозванных с фронта для подготовки к партизанской работе в тылу врага.

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

НЕКОРОНОВАННЫЕ КОРОЛИ

История шахматных состязаний повествует лишь об одиннадцати чемпионах мира. В официальных встречах, организуемых с 1886 года, именно такое, весьма ограниченное число шахматистов завоевывало пальму мирового первенства. Но среди русских, советских, а также зарубежных шахматных корифеев можно смело называть имена тех, кто в спортивных успехах и творческих достижениях вряд ли уступает счастливым обладателям чемпионского титула.

Победителем первого международного турнира, организованного в 1851 году в Лондоне, в период проведения там Всемирной промышленной выставки, оказался немецкий шахматист Адольф Андерсен (1818—1879 гг.). Это был талантливый проповедник романтического направления, стремившийся любой ценой к атаке на короля противника, пренебрегавший материальным уроном. В игре Андерсена фантазия полностью преобладала над объективной реальностью и логикой мышления.

Образцом стиля Андерсена служит его красивая партия с М. Кизерицием (1851 г.), которую до сей поры именуют «бессмертной». Позиция на диаграмме создавалась после того, как играющий белыми Андерсен в целях скорейшего развития наступления отдал слона. В дальнейшем он пожертвовал пешку, обе ладьи и ферзя (чуть ли не весь комплект

фигур) и пленил неприятельского короля.

17. Кс3—d5 Ф6:b2 18. С14—d6! Сс5:g1. Воле упорно обороняться черные могли путем 18. ...Ф:a1+ 20: Крe2 Фb2! Теперь же их ферзь оказывается отрезанным от своего короля.

19. e4—e5! Фb2:a1+ 20. Крf1—e2 Кb8—a6 21. Кf5:g7+Крe8—d8 22. Фг3—f6+!! Кg8:f6 23. Сd6—e7 x.

Понстине блистательным был стремительный валет шахматиста из США Пола Морфи (1837—1884 гг.). Его карьера на редкость коротка и обнимает период менее двух лет. Легко взыв вверх в 1857 году над лучшими американскими шахматистами, он отправляется в Лондон и Париж. Там с той же непринужденностью побеждает знаменитостей Старого света, в том числе непревзойденного догматолога Андерсена. Основное превосходство Морфи заключалось в том, что он, будучи тоже страстным приверженцем шахматной романтики, действовал далеко не так авантюрно, несравни-

мо точнее рассматривал свои комбинации, обращал серьезное внимание на логичное разыгрывание дебюта и стремился к оптимально возможному взаимодействию сил. Однако с 1859 года Морфи по так и не раскрытым причинам навсегда порывает с шахматами.

К этой позиции пришла партия Морфи (у него были белые) с И. Гарвицем, сыгранная в 1858 году в Париже. Неожиданным пешечным прыжком на ферзевом фланге белые отвлекают ладью партнера от ее оборонительных функций на седьмой горизонтали, а затем проводят молниеносную наступательную операцию на королевском фланге, начавшая ее жертвой ладьи, а заключая неотразимой коневой вилкой.

30. c4—c5! Лe7:c5 31. Лh5:h7+! Крh8:h7 32. Фe2—b5+ Крh7—g8 33. Кf5:e7+ Крg8—g7. При иных продолжениях черные теряют ферзя.

34. Ke7—f5+ Крg7—g8 35. Кf5:d8!, и черные подписали акт о капитуляции.

Гениальным художником шахмат был основоположник нашей отечественной школы Михаил Чигорин (1850—1908 гг.). Для него игра была прежде всего искусством, почти в каждой шахматной партии он старался создавать эстетические ценности, подчас даже ценой чисто спортивных результатов. В ряде больших международных турниров Чигорин становился победителем или призером. Дважды (!) он удостоивался чести единоборства с первым официальным чемпионом мира Вильгельмом Стейницем и оба раза, особенно в 1892 году, несмотря на поражения, добивался почетного итога. А в матче по телеграфу в 1890—1891 годах Чигорин нокаутировал чемпиона мира со счетом 2:0! Не раз Чигорин был чемпионом России и много сил отдал общественной деятельности по развитию шахмат у себя на родине, издавая специальный журнал, гастролировал с лекциями и сеансами одновременной игры в различных городах страны.

Отнюдь не случайно виднейшие советские и зарубежные гроссмейстеры наших дней (даже весьма субъективный Роберт Фишер) в десятку лучших шахматистов всех времен и народов неизменно включают Чигорина и Морфи, даже не находя места в своих списках некоторым из носителей мировой шахматной короны.

Перед вами позиция из партии Чигорина (он играл черными) со знаменитым немецким шахматистом Зигбертом Таррашем (1862—1933 гг.) на крупном международном турнире в гостинице в 1895 году. Чигорин завоевал там второй приз, опередив большую группу шахматных звезд конца прошлого века, и в их числе первых чемпионов мира Стейница и Эмануэла Ласкера (1868—1941 гг.).

27. ... c5—c4! Лg3—e4 c4:d3! 29. Ke4:f6+ Лf8:g6 30. Лf1—c1 h7—h6 31. Лc1—c8+ Крg8—h7. Эффектной, глубоко продуманной жертвой качества черные организовали грозную пешечную фалангу в центре. Одновременно они проявляют необходимую бдительность, искусно предупреждая контрмеры опасного соперника.

32. Фd2—b4 Сb5—c6! 33. Фb4—b8 Лf6:f5! 34. Лc8—h8+ Крh7—g6 35. Лh8—f8 Лf5—g5! 36. Лg8—f3 d3—d2!, и белые сдались.

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

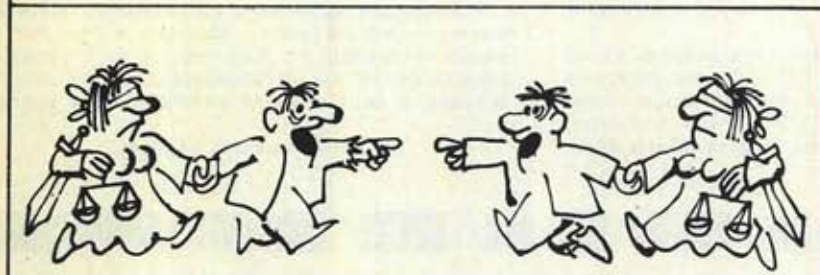
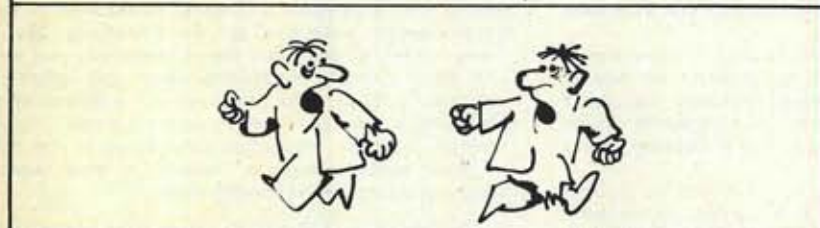

Рисунок Диадора БЕЗУГЛОВА

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

Рисунок Леонида ГУЛЬКИНА

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом: - ИХ - ТА. ГО-ДО-РО Я, ЗЕМ - ЛЯ С ТО - БОЙ.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом: НА О - КРАИ - БЕ ЖЕ - ТА. ВТО-РЫЙ З - ДО МЕС ЯС - ТО. ГО-ДО-РО Я, ЗЕМ - ЛЯ С ТОБОЙ. ВТОРЫЙ З - ДО МЕС ЯС - ТО.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом: ТЫ, ЗЕМ - ЛЯ, КРЫ - УШЕ К ИМЪ - ПЪ ИБ - СЯ. ЗЕМ - ЛЯ С ТОБОЙ, ТЫ МЕНЕ - НИШЕ ПР - О - СТИ.

Песня о земле

Из телефильма «Космонавты»

Слова Людмилы ОВСЯНИКОВОЙ
Музыка Бориса ВЛАСОВА

На окраине лета
вырастают грибы в лесу.
В струнах желтого света
паутинки дрожат на весу,
И лесная тропа под ногой —
вся большая планета,
Говорю я, Земля, с тобой,
вторит эхо мне где-то.
У Вселенной других планет,
что у елки иголок,
Так велик этот белый свет,
безграничен и долог.
Ты, Земля, круче к ветру носи
легкий солнечный парус.
Я с тобой, ты меня прости,
ненадолго расстанусь.
Я увижу тебя с вышины,
и замрет мое сердце.
Мы друг другу, Земля, нужны,
Никуда нам не деться.
Проплыву я звездой вдаль,
Но поверьте мне, люди,
Будет все там, но лишь Земли
под ногами не будет.
Ты, Земля, круче к ветру носи
легкий солнечный парус.
Я с тобой, ты меня прости,
ненадолго расстанусь.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом: НА О - КРАИ - БЕ ЖЕ - ТА. ВТО-РЫЙ З - ДО МЕС ЯС - ТО. ГО-ДО-РО Я, ЗЕМ - ЛЯ С ТОБОЙ. ВТОРЫЙ З - ДО МЕС ЯС - ТО.

По горизонтали:

3. Раздел поэтики.
5. Совокупность определенных явлений, предметов.
8. Знак для обозначения числа.
10. Столица европейского государства.
11. Герой балета С. С. Прокофьева.
12. Рассказ А. П. Чехова.
13. Специалист по лечению животных.
14. Промысловая морская рыба.
19. Приток Кубани.
22. Служебное слово в грамматике некоторых языков.
23. Приспособление к зерновому комбайну.
25. Полевая перелетная птица.
27. Морской головоногий моллюск.
29. Русская народная песня.
33. Тонкая упругая пленка в организме.
34. Газета, орган Итальянской компартии.
35. Сорт яблон.
36. Народная поэтесса Литвы.
37. Порт в Турции.
38. Шкаф для одежды.
39. Составная часть смолы хвойных деревьев.

По вертикали:

1. Заключительная часть произведения.
2. Арифметическое действие.
3. Грузовой автомобиль.
4. Духовой музыкальный инструмент.
6. Герой поэмы Э. Багрицкого.
7. Оболочка ореха.
9. Метод лечения.
15. Угломерный прибор.
16. Город в Югославии.
17. Стихотворная форма.
18. Сумка для географических и топографических карт.
20. Деталь часов, измерительных приборов.
21. Административный центр острова Сардинии.
24. Порт в заливе Азовского моря.
26. Краски для живописи.
28. Река в Индии.
30. Показатель степени в одном из математических действий.
31. Критерий, основание для оценки.
32. Повествовательный жанр народного творчества.

КРОССВОРД

составил Г. ЗОТОВ, г. Киров

По горизонтали:

7. Магнолия.
8. «Нежность».
9. Селекция.
10. Тургенев.
11. Строка.
14. Караул.
16. Железо.
17. Отрадное.
20. Смеляков.
23. Фонарь.
24. Арахис.
25. Разлив.
27. Антилопа.
28. Вагранка.
29. Биосфера.
30. Возничий.

По вертикали:

1. Дагестан.
2. Интернат.
3. Сириус.
4. Цезура.
5. Молекула.
6. «Стрекоза».
12. Турнищева.
13. Кентукки.
15. Лосось.
16. Женева.
18. Командир.
19. Мантисса.
21. Мандарин.
22. Минмирия.
25. Рапорт.
26. Власов.

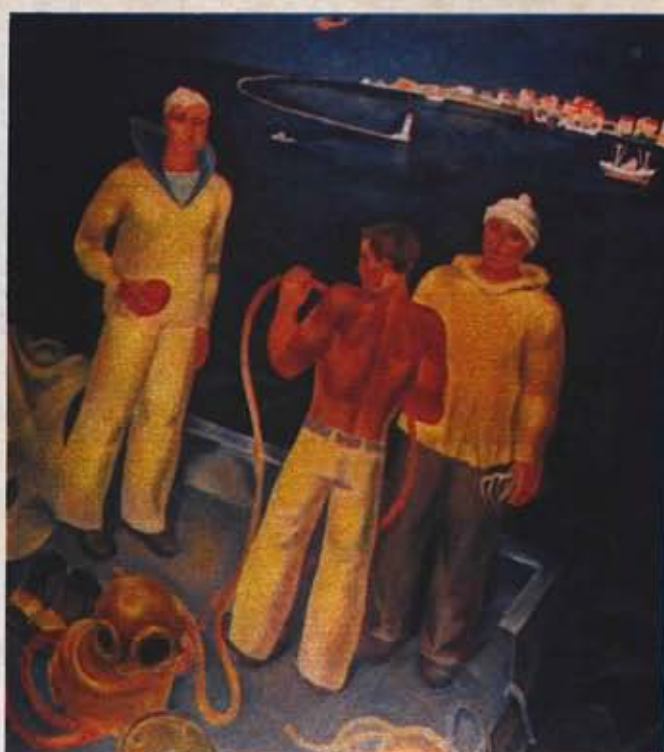
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

МОРЕ И ВСЯ ЖИЗНЬ

У МОРЯ.

ВОДОЛАЗЫ.

РЫБАКИ.

МАТЕРИ.

ОСЕНЬ.

То, что Алексей Лопатников оказался самым молодым участником Всесоюзной выставки произведений молодых художников, могло быть случайностью. Но не случайно, что представительное жюри за картину «У моря» удостоило его премии ЦК ВЛКСМ, — награждается не возраст, а мастерство.

В картине со столь конкретным названием «У моря» моря нет. Художник сознательно отказывается от прямолинейного хода, показывая лишь форштевень баркаса на желтом песке и загорелую фигуру мальчишки, бегущего в синеву. Нет изображения моря, но есть его ожидание, настолько ощущение наполненное цветом, запахом, звуками, что оно невольно передается зрителю.

«Непрямолинейность» хода можно считать отличительной особенностью искусства молодого художника. Так, тему другой своей картины, «Рыбаки», Лопатников стремится решить, отказываясь от традиционного показа самого трудового процесса, хотя именно такой путь соблазнительно зрительными эффектами с неизменным изображением бурного моря, напряженных поз, острых ракурсов, сверкающих на солнце богатых уловов. Художник сознательно оставляет все это «за кадром». Но в сильных, скульптурно вылепленных фигурах рыбаков, в упругом движении фона, в мощной пластике вещного мира чувствуется пафос рыбацкого труда.

Тяготение художника к морской тематике вполне объяснимо: он родился в Одессе, здесь окончил художественно-графический факультет педагогического института. Однако морскими пейзажами, сюжетными картинками, связанными с этой темой, даже продолжающимся большим циклом «Труженики моря» не замыкается круг его творческих интересов. Лопатникова влекут и «вечные» темы искусства. Одна из них — материнство — нашла свое выражение в картине, которую вы видите на этой странице. Отдавая дань традиционной теме материнства, художник стремится расширить ее до проблемы поколений. В сущности, картина «Матери» могла бы иметь второе название — «Три поколения», настолько отчетливо прослеживается в ней тема преемственности. Можно, конечно, спорить, достиг ли здесь художник психологической убедительности образов (задача, отметим кстати, весьма трудная для человека с малым жизненным опытом), но бесспорно, что картина молодого живописца обладает зрелищными художественными достоинствами.

В квадрате холста художник мастерски строит круговую композицию, как символ вечного материнства. Построенная на замедленных ритмах, картина лишена внешней динамики действия; легкое движение дает лишь отдуваемый ветром занавеска, и этого маленького штриха оказывается достаточно, чтобы картина «пошла». Цвет, взятый крупными пятнами, спокойная уравновешенность построения делают то, что небольшая станковая картина начинает говорить языком монументальных форм, сохраняя при этом тонкий, проникновенный лиризм.

И тут нельзя не сказать, что лирическое начало в соединении со светлым юношеским ощущением жизни проходит через все работы молодого художника. Это — драгоценное качество. Не хочется объяснять его только возрастом самого живописца. Хочется верить в его постоянство.

Алексей НИКОЛАЕВ

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820